

Михаил Рицнер

ГУДБАЙ,

РОССИЯ

Михаил Рицнер

Гудбай, Россия

«Издательские решения»

Рицнер М.

Гудбай, Россия / М. Рицнер — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-965730-5

Автор, известный ученый и врач-психиатр, откровенно рассказывает о своей жизни и перипетиях карьеры. Читатель узнает об эволюции пионера и комсомольца в инакомыслящего интеллигента, о «блефе коммунизма» и генезисе антисемитизма, о причинах Исхода из СССР. В Израиле автор прошел путь от рядового врача до профессора Техниона. Научные работы принесли ему заслуженную международную известность. Книга адресована широкому кругу читателей.

ISBN 978-5-44-965730-5

© Рицнер М.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие автора	6
Благодарности	9
Аббревиатуры	10
Пролог	11
1. Семейные корни	14
2. Родом из детства	20
3. Папина школа	33
4. Колледж	37
5. Альма-матер	43
6. Докторат	63
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Гудбай, Россия

Михаил Рицнер

Корректор Сергей Барханов

© Михаил Рицнер, 2019

ISBN 978-5-4496-5730-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Светлой памяти моих и Галиных родителей:

Самуила Ильича и Бети Ароновны Рицнер,

Израиля Исааковича и Марии Ильиничны Бекерман

*Любимым внукам и внучкам Рону, Йонатану, Руте,
Диане, Мириям, Даниелю и Алону Рицнер*

Предисловие автора

Я никогда не желал быть как все

Автор

«В следующем году – в Иерусалиме!»¹

«Пасхальная Агада»

«Если бы перед моим рождением Господь сказал мне: «Граф! Выберите народ, среди которого вы хотите родиться!» – я бы ответил ему: «Ваше величество, везде, где Вам будет угодно, но только не в России!» Это написал в 1869 году русский аристократ, поэт и писатель Алексей Константинович Толстой². Проницательный Исаак Бабель устами героя «Одесских рассказов» задал риторический вопрос: «...разве со стороны Б-га не было ошибкой поселить евреев в России, чтобы они мучались, как в аду? Чем было бы плохо, если бы евреи жили в Швейцарии...»³ Так в результате роковой ошибки Создателя мои предки оказались в «неправильном месте» – в Российской Империи. Кому-то надо было вернуть «семейные гены» в Землю обетованную, которую Б-г обещал потомкам Авраама⁴. Сорок лет Моисей водил евреев по пустыне после Исхода из Египта. Столько же времени я прожил в СССР до возвращения на родину праотцов еврейского народа Авраама, Ицхака и Якова.

«Гудбай, Россия» посвящена этим годам моей жизни, в ней рассказывается об эволюции правоверного пионера и комсомольца в инакомыслящего интеллигента, о «блефе коммунизма» и генезисе антисемитизма, об огорчениях и достижениях карьеры врача и ученого, о причинах Исхода из СССР и многом другом. В Израиле мне пришлось многое начинать сначала: учиться жить и работать в новой стране, делать то, что мог и должен! Эта книга была задумана давно, но ежедневная лечебная работа в клинике, лекции студентам и врачам, гранты и научные проекты, конференции и доклады, анализ данных, написание статей, монографий и другие неотложные дела занимали все мое время без остатка. Когда же в 2016 году я ушел в отставку, оставил руководство клиникой и перешел в Институт национального страхования, появилось время рассказать про свою «сионистскую миссию». Писать воспоминания оказалось непросто.

- Став главным персонажем повествования, я испытал ряд неудобств, но к завершению работы книга наполнилась многими и разными людьми.

- Мне приходилось преодолевать самоцензуру, приобретенную в стране исхода, чтобы писать правдиво и искренне.

- Мешал мне и литературный стиль, весьма далекий от мемуарной прозы и отточенный на написании научных статей и книг по-английски.

- Я мало читал и практически не писал по-русски последние тридцать лет. За это время и русский язык не остался неизменным. Мне приходилось многое перепроверять и даже консультироваться по поводу отдельных слов, фраз и знаков препинания. Возможно, не все ошибки и опечатки устранены.

- Были трудности нравственного порядка: например, не все люди, которых я упоминаю в книге, живы, а посему они не могут мне возразить и вступить в полемику, если что не так.

¹ «В следующем году – в Иерусалиме!» означает выйти из рабства и вернуться на родину предков. В Иерусалим не едут – в него поднимаются, потому что отсюда исходит сила Творца Мироздания.

² Из письма Б. М. Маркевичу 26.04.1869; <https://www.proza.ru/2013/12/18/1865>

³ <http://knijky.ru/books/odesskie-rassказы?page=8>

⁴ Земля Израильская, также Земля обетованная, Святая земля – понятие в иудаизме и христианстве.

Когда же рукопись приобрела некоторую завершенность, *внутренний голос* задал главный вопрос:

– Так зачем ты, доктор, написал эту книгу? Ты считаешь себя выдающейся личностью или общественным деятелем, с жизнью которого надо познакомить общество?

– Отнюдь нет, – ответил я вполне уверенно, – да и судьба моя, к счастью, не геройская. Я рассказываю о карьере врача и ученого, о семье и учениках, о друзьях и недругах, о стране и времени накануне распада СССР.

– Но ты ведь знаешь, что мемуары субъективны и правда у каждого своя? – гнул свою линию *внутренний голос*.

– Знаю и несу полную ответственность за все ошибки и заблуждения, имеющиеся в книге. Я стремился быть «...размышляющим, но не занудой, полезным... не излагать детально бесконечные подробности...» (см. ниже «*Молитву пожилого человека*»). Кроме того, мемуарная литература признается важным источником для научных исследований советского общества⁵. «Когда очевидцы молчат, рождаются легенды», – заметил Илья Эренбург. Можно сказать, что «Гудбай, Россия» – это мой небольшой вклад в еще не написанную историю страны, где я родился и вырос.

– Не секрет, что память не самый надежный источник информации.

– И это правда. В моем распоряжении были личный архив, включающий многочисленные документы, дневники, публикации, обширную переписку и фотографии, а также ресурсы интернета. Правда, не желая превращать текст книги в научную монографию, я привожу ссылки на источники не во всех случаях.

– Хорошо, у тебя есть право на «последнее слово».

– Я, безусловно, воспользуюсь этой возможностью.

• Во-первых, у меня были и остались в России добрые друзья и любимые ученики, которым неизменно желаю процветания и счастья, а также их семьям и стране в целом!

• Во-вторых, когда я вижу, как живут в Израиле мои сыновья, Эдуард и Израиль, их жены, Анна и Маргарита, наши внуки и внучки, Рон, Йонатан, Рути, Диана, Мириям, Даниель и Алон, то понимаю, что именно они являются настоящей причиной, побудившей меня написать эту книгу.

• И наконец, мои «гены» находятся в правильном месте, свою миссию я выполнил, а о «проделанной работе» рассказано в этой книге.

Теперь слово за тобой, дорогой читатель. Любые комментарии, уточнения, поправки, отзывы или предложения приветствуются и будут восприняты с благодарностью.

Михаил С. Рицнер

Хайфа – Тират Кармель

ИЗРАИЛЬ, 2016 – 2019

[*ritsnerm@gmail.com*](mailto:ritsnerm@gmail.com)

Michael S. Ritsner

Haifa – Tirat Carmel

ISRAEL

«Молитва пожилого человека»:

«Господи, ты знаешь лучше меня, что я скоро состарюсь. Удержи меня от рокового обыкновения думать, что я обязан по любому поводу что-то сказать. Спаси меня от стремления вмешиваться в дела каждого, чтобы что-то улучшить. Пусть я буду размышляющим,

⁵ Инакомыслие в СССР в 50-е – первой половине 60-х гг. <http://cheloveknauka.com/inakomyslie-v-sssr-v-50-e-pervoy-polovine-60-h-gg#ixzz5Af03ogC5>

но не занудой, полезным, но не деспотом. Охрани меня от соблазна детально излагать бесконечные подробности. Дай мне крылья, чтобы я в немоги достигал цели. Опечатай мои уста, если я хочу повести речь о болезнях, которых становится все больше, а удовольствие без конца рассказывать о них – все слаще. Не осмеливаюсь просить тебя улучшить мою память, но приумножь мое человеколюбие, утмири мою самоуверенность, когда случится моей памятью столкнуться с памятью других. Об одном прошу, Господи, не щади меня, когда у тебя будет случай преподать мне блистательный урок, доказав, что и я могу ошибаться. Если я умел бывать радушным, сбереги во мне эту способность. Научи меня открывать хорошее там, где его не ждуг, и распознавать неожиданные таланты в других людях»⁶.

⁶ Эта молитва висит на стене в квартире Алексея Германа. Ему она досталась в наследство от отца. Юрию Герману, в свою очередь, ее прислал писатель и ученый Даниил Данин, который нашел эту молитву в одном из английских журналов.

Благодарности

*Пора давно за все благодарить,
за все, что невозможно подарить
когда-нибудь, кому-нибудь из вас
и улыбнуться, словно в первый раз...*

Иосиф Бродский

Я всегда буду в долгу перед женой, Галиной Бекерман, чья любовь и забота были для меня и наших сыновей опорой как в России, так и в Израиле. Я, безусловно, очень благодарен родным сестре и брату, Софье Рицнер-Сердце и Вячеславу Рицнеру, за любовь и братство, а также за полезные поправки в тексте книги. Выражаю особую благодарность Стелле Гатовской – за безусловную поддержку, редкое терпение и полезные советы.

Я искренне благодарен учителям и наставникам: доцентам и профессорам А. В. Маслову, Н. Д. Гладковой, В. Д. Линденбратену, Н. Г. Концевой, Е. Д. Красику, Я. Ю. Попелянскому, И. Р. Шмидт, В. М. Гиндилису и Ирвингу Готтесману (Irving I. Gottesman).

Большое спасибо Борису Альтшулеру (Горзеву) и Юлии Абросимовой, Анатолию и Наталье Полищук, Киру Гринбергу, Ольге Подугольниковой, Валерию Кухаренко, Виктору Самохвалову, Николаю Корнетову, Борису Лещинскому, Сергею Карасю, Ольге Ратнер и Анатолию Гибелу. Эти дорогие мне люди не только существенно повлияли на мое становление как личности и врача, исследователя и научного руководителя, но и определенно служили мне нравственным ориентиром. К сожалению, некоторых уже нет с нами, но моя благодарность их бы не удивила.

Аббревиатуры

АМН – Академия медицинских наук СССР (ныне – РАМН)
ГИДУВ – Государственный институт усовершенствования врачей
ГУЛАГ – Главное управление лагерей
д. м. н./д. б. н. – доктор медицинских/биологических наук
ЕАО – Еврейская автономная область
ВАК – Высшая аттестационная комиссия СССР
ВНЦПЗ – Всесоюзный научный центр психического здоровья
ИМГ – Институт медицинской генетики АМН СССР, Москва
КГБ – Комитет государственной безопасности
к. м. н./к. б. н. – кандидат медицинских/биологических наук
НИИ – Научно-исследовательский институт
ОВИР – Отдел виз и регистрации
ОПБ – Областная психиатрическая больница
РАМН – Российская академия медицинских наук
СФ – Сибирский филиал
СФ ВНЦПЗ – Ныне – НИИ психиатрии РАМН, Томск
Спецсовет – Специализированный ученый совет по защите диссертаций
СССР – Союз Советских Социалистических Республик
Технион – Израильский технологический институт, Хайфа
ТНЦ – Томский научный центр АМН СССР
ХГМИ – Хабаровский государственный медицинский институт

Пролог

За 2989 лет до возвращения в Израиль...

• Иерусалим был столицей Израильского царства примерно в 1000 году до н. э.⁷ Иерусалим был раньше, чем появился на свет Нью-Йорк. Когда Берлин, Москва, Лондон или Париж были гнилыми лесами и вонючими болотами, здесь была процветающая еврейская община. *Тора дала миру человеческий моральный кодекс – 10 заповедей*⁸. Весной 70 года н. э. римский генерал Тит разрушил Второй Иерусалимский Храм. Евреи поклялись, что прежде, чем забудут они Иерусалим, язык у них присохнет к гортани и отсохнет правая рука (см. «Письмо миру из Иерусалима»)⁹.

• В 638 году Иерусалим стал называться Аль-Кудс, а на территории Иерусалимского Храма царя Соломона мусульманами была построена мечеть Аль-Акса.

• В июле 1099 года крестоносцы штурмовали Иерусалим: «... в Храме Соломона и во дворе его кровь доходила до колен ехавшим верхом и до конской узды...» Иерусалимские евреи были согнаны в синагогу и сожжены заживо¹⁰. На целый век (1099—1187) Иерусалим стал центром царства крестоносцев. Их сменил Саладин, затем мамлюки, турки и британцы.

• **Когда мне было шесть месяцев, 14 мая 1948 года (5 ияра 5708 года), была провозглашена Декларация независимости Израиля, и год спустя Иерусалим вновь стал столицей Израиля.**

• *Восстань, светись, Иерусалим, ибо пришел свет твой, и слава Господня возшла над тобою. Ибо вот, тьма покроеет землю, и мрак – народы; а над тобою воссияет Господь, и слава Его явится над тобою. И придут народы к свету твоему, и цари – к восходящему над тобой сиянию* (Исайя, VIII век до н. э.).

**Среда, 19 ноября 1952 года, Смидовичи,
за 37 лет до подъема в Иерусалим**

– Папа, ну папа, я опять видел во сне пальмы. – Пятилетний Мишута прилепился к широченным брюкам сорокалетнего мужчины с красивой шевелюрой волнистых волос. – Это те пальмы из сказки, что мне мама читала. Где они растут?

– В Израиле, сынок, на нашей древней родине.

– А где находится Израиль и наша р-ро-ди-на? – с трудом произнес малыш.

– В Палестине... – сказал задумчиво отец. – Надеюсь, ты когда-нибудь ее увидишь, сынок.

– А ты мне расскажешь про Израиль? – не сдавался Миша.

– Обязательно, Мишута, я тебе все расскажу, если ты только захочешь узнать...

**Пятница, 20 декабря 1989 года, Москва; за два дня до подъема
в Иерусалим**

*Вполголоса – конечно, не во весь —
прощаюсь навсегда с твоим порогом.
Не шелохнется град, не встрепенется весь*

⁷ http://www.erusolim.ru/istoriya_ierusalima.html

⁸ Еврейские Священные Писания (Танах) состоят из трех частей: Торы, Пророков, Писаний. Тора (Пятикнижие Моисея) – это откровение и наследие, данное Всевышним евреям и всему миру.

⁹ Опубликовано Стэнли Гольдфуттом под псевдонимом Элиэзер Бен-Израэль в 1969 году в газете The Times of Israel.

¹⁰ <https://warspot.ru/3489-doroga-v-ierusalim>

от голоса приглушенного.

С Богом!..

Иосиф Бродский

Это московское утро было хмурым, шел мелкий косой снег. С детства не люблю прощаться, а тут надо было расставаться навсегда. События последнего месяца вымотали нас окончательно. Вылет нашего рейса из Ленинграда в Будапешт отменили. С большим трудом удалось зарегистрироваться на московский рейс до Будапешта, где у нас была пересадка и бронь на самолет до Израиля. Вчера мы приехали в Москву поездом и «свалились на голову» родным друзьям, Бобу и Юльке, у которых и провели последние сутки. Всем было тревожно и как-то не по себе. Причина – мы уезжали на «постоянное местожительство» в Израиль, что здесь считается *изменой родине и делу социализма*. Этим и определялась неизвестность: выпустят ли власти нас из страны? Впрочем, ждать оставалось недолго, всего четыре часа до вылета из Шереметьево.

Две желтые «Волги» -такси, заказанные накануне, терпеливо поджидали у подъезда с включенными двигателями. В одной поедут чемоданы, а в другой – мы с Галиной и сыновьями.

– Мишка, ты пиши, пиши чаще, – повторял Боб, поеживаясь от холода и пытаясь как-то снять напряжение момента.

Боб, он же поэт и прозаик Борис Горзев, кутался в куртку, спасаясь от пронизывающего ветра. Юлия, его жена, понимающе молчала, избегая лишней суеты. Лицо ее было непривычно печальным. Да и что тут было говорить, – всю ночь проговорили, вспоминали, курили и пили горькую сколько смогли. Прикорнули только под утро. Когда еще свидимся?

– Буду, конечно, буду писать, – отвечал я односложно, сам еще не зная, чем все это закончится сегодня, – поскорее бы!

Наконец машина поглотила чемоданы. Мы обнялись с Бобом и Юлей, посмотрели друг на друга долгим взглядом, как затянулись последней затяжкой. Дорогу в аэропорт просто не помню, был в какой-то отключке. Шереметьево напоминало муравейник. На регистрации два работника аэропорта отнесли наши чемоданы в сторону и перетряхнули все вещи, как при погроме. Хорошо, что обошлось без личного досмотра. После пунктов таможенного и паспортного контроля мы оказались в «чистой зоне» – в изолированном месте с магазинами duty free. Только здесь у меня появилось ощущение «невесомости» от свалившегося груза тревог последних месяцев – ОТПУСТИЛИ! Мы были уже не граждане Страны Советов, но еще не граждане Израиля. Ожидание посадки в самолет впервые не было тягостным.

Перелет прошел без проблем. Дети чему-то радовались. В моей голове крутились тревожные мысли: *«У нас там нет ни родственников, ни друзей, мы не знаем иврит»*. – *«Ничего, хуже не будет»*, – мысленно отвечал я себе. В транзитной зоне аэропорта Будапешта мы провели несколько часов и поднялись на борт компании «Малев» рейсом в Тель-Авив.

Когда подлетали к Тель-Авиву, в иллюминаторе появился океан огней, как в фантастическом фильме. Пассажиры дружно зааплодировали мягкой посадке самолета. Было 21 декабря. На фронтоне здания аэропорта имени Бен-Гуриона светилась надпись: «Welcome to Israel». В здании аэропорта много света, аплодисменты, музыка, группа молодых израильтян танцует и поет что-то совсем непонятное, но задорное и веселое. «Эвенту шалом алейхем»: *«Хевену шалом алейхем, Хевену шалом алейхем, Хевену шалом алейхем, Хевену шалом, шалом, шалом алейхем»*¹¹.

И мы, прилетевшие этим рейсом, находимся как будто в центре снимаемого кинофильма. И еще много пальм, они прикрывают окна аэропорта, от них трудно оторвать взгляд. Что-то

¹¹ «Мы вам желаем мира, мы вам желаем мира, мы вам желаем мира, мы вам желаем мира, мира, мира вам».

будит смутные детские воспоминания, связанные с отцом и пальмами... Что же это такое? Вдруг послышалось по громкой связи: «Доктор Михаил Рицнер, подойдите к третьей секции».

– Папа, папа, это тебя! – эхом повторяли сыновья, видя, что я не реагирую и, как в ступоре, не двигаюсь с места. – Это же тебя вызывают, ты слышишь, папа?

«Тебя вызывают!» – отозвались эхом их голоса в моей голове.

Но этого не может быть. Просто я опять вижу тот сон, мой детский сон с пальмами, с папой и... *«Папа, ну папа, я видел во сне пальмы. Те пальмы из сказки, что мне мама читала...»* Мистическое видение исчезло так же быстро, как и появилось. Верилось с трудом, что мы действительно приземлились в Израиле, на ЗЕМЛЕ НАРОДА ТАНАХА – БИБЛИИ, и проходим регистрацию в качестве новых граждан страны. Но это было именно так!

* * *

**21 декабря 1989 года, я родился повторно,
но на этот раз в правильном месте.**

* * *

**На следующий день, 22 декабря 1989 года,
мы с женой и сыновьями впервые молча
стояли у Стены Плача – святыни
еврейского народа¹².
Это было что-то невероятное...**

¹² Стена Плача – часть массивной каменной стены вокруг Храмовой горы Старого города Иерусалима, уцелевшей после разрушения Второго Храма римлянами в 70 году. Стена Плача считается самым священным местом в иудаизме.

1. Семейные корни

«Если я забуду тебя, Иерусалим, пусть отсохнет десница моя. Да прилипнет язык мой к небу моему, если не буду помнить тебя, если не вознесу Иерусалим на вершину веселья моего» (псалом 137).

Лента новостей: 1912—1917 годы

15 апреля 1912 г. Затонул крупнейший пассажирский лайнер «Титаник».

18 апреля 1912 г. Турция закрывает Дарданеллы для судоходства.

10 июля 1913 г. Россия объявляет войну Болгарии.

9 марта 1915 г. Александр Парвус представляет руководству Германии план революции в России.

7 ноября 1917 г. Большевики захватили власть в России.

Предки

В каждом из нас живут гены, в которых хранится память обо всех далеких и близких предках. Мои прапрабабушки и прапрадедушки и примерно двести тысяч евреев оказались в Российской Империи после разделов Речи Посполитой (1772—1794). Немецкая принцесса *София Августа Фредерика Ангальт-Цербстская*, став Екатериной II и заполучив народ Библии, ограничила его в правах, введя «черту оседлости» и множество других запретов¹³.

Время правления Екатерины II считается началом истории евреев в Российском государстве. К концу XIX века популяция евреев России достигла 5,5 млн человек¹⁴. Правда, в результате антисемитской политики царствующего дома Романовых многие российские евреи бежали в США и стали там успешной этнической группой.

Хотя мои родители родились в Российской Империи, им было суждено жить в «советской империи». На их поколение выпали большевистский переворот 1917 года, гражданская война, строительство социализма, культ личности Сталина, ГУЛАГ, Вторая мировая война, космополитизм, дело «врачей-вредителей», хрущевская оттепель и брежневский застой. Кто-то скажет, что это «еврейское счастье», однако миллионам людей других национальностей также не повезло в советской среде обитания. Покинуть «советский рай» удавалась немногим, так как власти буквально закрыли страну, боясь, что останутся без народа. Такова очень краткая предыстория страны, где мои родители создали свою семью.

Отец, *Рицнер Самуил Ильич* (урожденный Шмуль Эльевич; 1912—1980), преподавал химию, биологию и был директором ряда школ. Мама, *Бетя (Батья) Ароновна Брен* (1917—2007), была учительницей и методистом по дошкольному образованию. О родителях я вспоминаю с любовью. Они познакомились на Дальнем Востоке, куда их послала советская власть. По мере взросления у меня появился естественный интерес к их происхождению и профессии, качествам характера и жизненным позициям. По галахе родители были ашкеназскими евреями¹⁵. Галахическое определение еврея: «рожденный еврейкой или перешедший в иудаизм».

¹³ Черта оседлости – в России в 1791—1917 годах территория, за пределами которой запрещалось постоянное жительство евреям (за исключением купцов 1-й гильдии, ремесленников, лиц с высшим и специальным образованием, солдат, проходивших службу по рекрутскому уставу, и их потомков).

¹⁴ <http://russian7.ru/post/kak-evrei-popali-na-russkuyu-zemlyu/full/>

¹⁵ Галахический еврей – это человек, которого считает евреем еврейское религиозное право – галаха.

Шмуль Эльевич Рицнер, родился 10 сентября 1912 года, вторник, Подольская губерния, Российская Империя

Папа имел в моих глазах очень высокий авторитет, чему способствовали его многообразные познания и незаурядная личная история. Он родился в местечке Ладыженки. Центром губернии с 1914 года была Винница. Фамилия *Рицнер* (написание латиницей: *Ritsner*) относится к немецко-идишской группе фамилий, носители которых пришли в Россию из Австро-Венгрии и Польши. Он вырос в большой семье в Херсоне. Его отец и мой дед – Элиягу (Илья) Рицнер, мать – Эйдя (девичья фамилия Ланцман). Дед был уважаемым человеком в еврейской общине. Видел я их только однажды, в Херсоне, где жили все Рицнеры. Мне было всего пять лет. Здесь родители повели меня к врачу ухо-горло-нос, так как я часто болел ангинами. Врач удалил из моего горла аденоиды. Помню, было больно, меня крепко держала мама, рот был полон крови. Мне дали мороженое, и боль прошла. Ангины после операции почти прекратились.

В 1914 году, с началом Первой мировой войны, деда призвали в армию. Там он отличился, за что получил медаль и надел земли. В годы войны бабушка Эйдя растила семерых детей, что было ей не под силу. По соседству жил рав с женой, у которых не было детей. Они уговорили мою бабушку отдать им одного ребенка. Им оказался мой папа. Так он стал жить, воспитываться и учиться в семье рава. Семья была состоятельной, и он жил там в роскоши, ни в чем не нуждался. Рав много рассказывал ему о Торе. Папа сохранил теплые воспоминания об этой семье. Когда дед вернулся с войны, он забрал моего папу назад в семью.

Учился отец в школе при синагоге. Преподавание велось на идиш. Он также хорошо знал украинский язык и считал его вторым родным языком, а русский стал изучать уже будучи студентом. В семье отца не было средств на обучение специальности всех детей. Поэтому только старшему брату отца, Мойше, было позволено учиться на математика, а остальные должны были заниматься изнурительным трудом на земле. Поэтому в 12 лет отец вместе с другом, Исааком Бершадским, убежал из дома, чтобы научиться чему-нибудь другому. Для того чтобы его не нашли, он сменил фамилию Рицнер на Рыцарский. И его не нашли. Подростки устроились в сельскохозяйственной коммуне недалеко от Одессы. Там они работали и учились. После получения диплома агронома отец был направлен на учебу в сельскохозяйственный институт, но по дороге его перевербовали для учебы в медицинском институте. Он проучился там только один семестр, так как был пойман и отчислен из мединститута как «летун». Но ему удалось зачислиться в педагогический институт на биофак, который он окончил в 1936 году. После окончания пединститута занялся исследованиями по генетике кур, но работу не завершил, так как в это время в институте уже начались аресты его учителей. Они-то и посоветовали отцу срочно уехать из Одессы (как еврейскому переселенцу) на Дальний Восток, где создавалась Еврейская автономная область (ЕАО). Так он оказался в селе Кимкан Бирского района ЕАО, где вскоре был назначен директором школы. Стать столь молодым директором он смог только в силу нехватки дипломированных учителей. В Кимкане отец познакомился с моей будущей мамой (см. ниже), и они поженились. В 1937 году у них появился первенец – Александр. Но недолго молодая семья радовалась жизни.

ГУЛАГ

В воскресенье, 12 июня 1938 года, отца арестовали и обвинили по статье 58—10 Уголовного кодекса РСФСР в антисоветской пропаганде, агитации и шпионаже в пользу Японии. Допрашивали «конвейером», днем и ночью, били и пытали в течение нескольких месяцев. Ныне эта «зверская технология» хорошо известна. Сидел он вместе с военными и государственными деятелями, которые подсказали ему ничего не подписывать. Похоже, что он ни

в чем не признался и протоколы допросов не подписал. Через восемь месяцев следствия – 30 марта 1939 года – областной суд приговорил его к трем годам исправительно-трудовых лагерей. Срок «детский» по тем временам. В лагере он валил лес и пилил бревна. От выполнения дневной нормы зависела суточная «пайка», а значит, и жизнь. Отец, как и многие другие «враги народа», подавал апелляции. Ему повезло: спустя год, 27 марта 1940 года, приговор по его делу был пересмотрен и отменен за недоказанностью обвинения. Возможно, причиной такого везения стала бериевская «амнистия» 1939—1940 годов¹⁶. Есть сведения, что Л. П. Берия, сменив Ежова, освободил из ГУЛАГа всех, кто не подписал признания в собственной виновности.

Отец был один из них. Он вышел «реабилитированным» и даже восстановленным в партии: ему сказали, что он может сей лагерный «отпуск» не указывать в анкете. При освобождении выдали документы, где вместо *Шмуля Эльевича* паспортистка записала *Самуил Ильич*. «Так будет понятней твоим ученикам», – мудро объяснила она. Отец не стал с ней спорить. О гулаговском периоде своей жизни он рассказывать не любил. Временами я с удивлением наблюдал, с какой выносливостью он, физически слабый мужчина, пилил бревна на дрова на равных с крепкими и здоровыми мужиками. Они сменяли друг друга, а он был почти неутомим! Лагерный опыт быстро не забывается. Некоторые скупые сведения об аресте отца и его пребывании в ГУЛАГе известны мне со слов мамы.

После освобождения из ГУЛАГа родители вернулись в город Херсон, откуда папа был родом и где жили его родители, четыре брата и две сестры с семьями. Родителей направили на работу в сельскую школу недалеко от Херсона. Им выделили дом с глиняными полами, а деревня в целом и ее жители напоминали «Вечера на хуторе близ Диканьки» Н. В. Гоголя. Современник так описывал украинские села того периода: «Мазаные хаты, садки, цветники и огороды возле хат, масса круторогих волов, украинская одежда, повсюду слышится оживленный малорусский говор, и в жаркий летний день можно подумать, что находишься где-нибудь в Сорочинцах времен Гоголя». Родители там не прижились и, на свое счастье, вскоре уехали обратно на Дальний Восток, в ЕАО. Это было в 1941 году, за несколько месяцев до начала войны. Судьба их берегла!

Война

Когда грянула война, папу призвали и направили на фронт. Ему было 29 лет. Эшелон был полон такими же, как и он, совершенно не обученными молодыми людьми. Садясь в вагон, он сказал маме: «Давай попрощаемся. Ты знаешь, что первая пуля моя и я не вернусь. Береги сына». Мама в этом ничуть не сомневалась, но плакать уже не могла. Дальнейшую историю я слышал десятки раз и поэтому хорошо запомнил.

На одной из остановок эшелона, недалеко от Новосибирска, солдат заглянул в вагон и истошно прокричал несколько раз: «Лейтенант Рицнер, на выход, с вещами». Отец ушам своим не верил. Из лагерного опыта он знал, что «на выход и с вещами» ничего хорошего не предвещает. Такое не забывается. Солдат проводил его к станционной будке, где в маленькой клетушке сидел, как ему показалось, злобный майор. Он листал какую-то папку и косо измерил отца не очень трезвым взглядом.

- Ты лейтенант Рицнер? – отрывисто спросил хриплым голосом.
- Так точно, – подтвердил отец тихим голосом, не зная, что ожидать.
- Ты агроном? – опять рявкнул офицер.
- Никак нет, я учитель, – возразил отец, поеживаясь.

¹⁶ Из Книги памяти Хабаровского края: «Рицнер Шмуль Эльевич (варианты имени: Самуил). Родился в 1912 г., Украина, Подольская губ., мест. Ладыженки; еврей; учитель-биолог. Проживал: ЕАО, Бирский р-н, п. Кимкан. Бирским РО НКВД ЕАО 12 июня 1938 г. приговорен: судколлегия облсуда ЕАО 30 марта 1939 г., обв.: по ст. 58—10 УК РСФСР. Приговор: 3 года л/св. ИТЛ. Постановлением прокуратуры ЕАО от 27.03.1940 дело прекращено за недоказанностью обвинения».

– Ты агроном, я тебя спрашиваю? – переспросил майор, начиная выходить из себя.

– Никак нет, товарищ майор. Я работаю учителем, – повторил отец, инстинктивно втягивая голову в плечи.

– Послушай, лейтенант, ты ведь еврей, а не болван, и вроде должен быть умным, как все твои евреи. – Майор встал из-за стола и взял тонкую папку. – Смотри сюда, это твое личное дело. Здесь написано, что ты окончил в Одессе сельскохозяйственный техникум и получил диплом агронома. Было такое?

– Так точно, но это было давно и я ни дня не работал агрономом, – пролепетал отец, никак не понимая, хорошо это или плохо.

– А мне плевать, что ты не работал агрономом. Это ты понимаешь?

– Так точно, – ответил отец по уставу.

– Главное, что ты агроном с дипломом. Идет война, и Красную армию надо кормить. Вот ты и будешь ее кормить, а не накормишь – под трибунал пойдешь, и расстреляем. Понял?

– Слушаюсь, – ответил робко отец, оставаясь в некотором ступоре. – Буду кормить Красную армию, – повторил он словно эхо. – А где и чем кормить?

– Вот тебе новое предписание, лейтенант, – произнес майор более дружелюбно. – Возвращайся туда, где тебя призвали. Получишь солдат, землю, организуешь сельхозчасть и будешь выращивать картошку, овощи и все, что потребуется для армии. Понял, наконец, горе-агроном?

– Так точно, понял. Можно идти?

– Выполняй. Свободен.

Отец смутно помнил, как он вылетел из станционной будки и как сел на другой эшелон. Это было похоже на чудо! Мама вновь плакала, но уже на радостях. А в 1942 году у них родилась моя старшая сестра – Софья, или Соня. Это был подарок всем нам. Все военные годы отец служил – работал военным агрономом. Он организовал большое производство продуктов и, таким образом, выполнил приказ. Правда, говорят, что и американцы помогали харчами (около 10% от всего продовольствия, поступившего в Красную армию).

Директор

После войны папу демобилизовали, и он работал директором нескольких школ: в поселке Смидовичи, в Приамурском и Дубовом. Страх перед произволом и беззаконием властей сохранился глубоко в его памяти на всю жизнь. Партию он считал преступной, но от нас, детей, все это до поры до времени тщательно скрывалось. Когда мы сами с этим разобрались, родители сказали, что не хотели нам отравлять жизнь знанием правды этой самой жизни. Так поступали многие родители – «ложь во спасение» или ложь, оправданная благими целями.

Папа был небольшого роста, шуплым, худощавым, но очень подвижным и энергичным человеком, решительным в делах. Темно-русые волнистые волосы красиво лежали на его голове, а серо-зеленого цвета, внимательные, с блеском глаза выдавали умного человека. По характеру был вспыльчивым, иногда даже язвительным и резким «на язык», однако быстро отходил и долго зла не держал. Папа не укладывал нас спать, не читал нам сказки, не целовал и не говорил, что любит. Зато он любил с нами беседовать и рассказывать разные эпизоды из Торы, истории евреев, династии Романовых и многое другое. По-русски он говорил с ошибками, путал окончания слов, падежи не давались ему. Многие учителя и ученики до сих пор помнят его как хорошего учителя и справедливого директора. Политик из него был никакой. Конформизм – это не его выбор. Ему было трудно скрывать то, что он думает о режиме в стране и конкретных людях, чем с легкостью наживал себе недоброжелателей. Однако начальство ценило его за деловую хватку и профессионализм. Папа обладал красивым голосом, хорошим слухом, любил петь украинские и еврейские песни.

В 1947 году родился я, а следом, в 1949 году, – мой брат Слава. Припоминается необычное поведение отца в один из весенних дней 1953 года. Мне тогда было около шести лет. Я никогда не видел его таким радостным и счастливым, что бросалось в глаза еще и потому, что многие люди были грустными и даже плакали.

– Почему они плачут? – спросил я.

– На одного коммуниста стало меньше в этом мире!

– А чему ты радуешься? – не отставал я.

– На одну сволочь стало меньше в этом мире! Когда вырастешь, поймешь.

Я вырос и понял, что в тот день умер Сталин. Больше я не помню, чтобы отец когда-либо говорил со мной об аресте, допросах и ГУЛАГе. У него не было многих зубов, их выбили сталинские «опричники». Он не любил партийных бонз, хотя те его часто награждали за хорошую работу учителя и директора школы. Последней «папиной школой» перед его пенсией была школа в селе Желтый Яр Биробиджанского района. Отец много сделал для ее оборудования и приведения в должный вид. В этом ему охотно помогали учителя и родители. Руководителем он был строгим и требовательным, но справедливым. Таким же он был и отцом. Многие его ученики сохранили о нем добрую память.

Папа щедро поделился с нами своими генами и многим другим. Он создавал дома атмосферу, порождающую интерес к знаниям, чтению, образованности и профессионализму. Он поощрял нас, детей, к этому довольно своеобразно, поддразнивая и интригуя различными вопросами. Наши ошибки становились объектами шуток и новых бесед. Папина эрудиция вызывала не только удивление, но и желание узнавать и познать все больше и о многом. Выйдя на пенсию, папа продолжал много читать, особенно историческую литературу. Он скончался от инсульта во сне 19 февраля 1980 года. Мы похоронили его в Биробиджане при большом стечении людей. *Светлая ему память!*

**Бетя Ароновна Брен, 25 декабря 1917 года, вторник, село Пулино,
Житомирская область**

Девичья фамилия мамы, Брен, означает «жара» (идиш). Очевидно, предок носителя этой фамилии был энергичным и расторопным. Семья мамы состояла из родителей, бабушки Аарона и бабушки Ривы Брен, четырех сестер (Фира, Клара, Бетя и Аня) и двух младших братьев (Миша и Иосиф). Семья приехала по переселению в ЕАО из Житомирской области в середине 30-х годов. Мама окончила педагогический техникум и начала работать в Биробиджане инспектором областного отдела образования (облоно) по дошкольному образованию. Мама была красивой и полноватой женщиной, маленького роста, с крупными выразительными глазами, отличалась веселым нравом, прагматичным умом и волевым характером.

Однажды ее командировали для проверки методической и воспитательной работы в детсадах села Кимкан, где папа был директором школы. Гостиниц в селе не было, и папа поселил ее в школе, где и сам жил. Похоже, что они быстро приглянулись друг другу. Детям рассказывалась такая история. Однажды мама зашла в папину комнату и увидела недалеко от двери лежащий на полу веник. Она не переступила через него, а подняла и поставила туда, где было его место. Папа очень впечатлился и решил, что эта женщина будет хорошей хозяйкой и женой. В этом он не ошибся. Папа понравился маминим родителям, которые его приняли как родного, и вскоре они поженились. Арест отца нанес молодой семье жестокий удар. К счастью, маму не арестовали и отречься от отца не принуждали. Она возила передачи в тюрьму и в лагерь, перенесла бесчисленные и жестокие унижения, которые выпали на долю жены «врага народа».

В деревне Засосье Ленинградской области поставили памятник женам «врагов народа», пережившим годы репрессий, войны, коллективизации. Тем, кто растил детей без отцов,

*пахал землю, впрягаясь вместо лошадей. Тем, кто работал на государство, объявившее их врагами народа и разрушившее их семьи*¹⁷.

После войны появились на свет мы с братом. Пока мы были маленькими, у нас были няньки-домработницы. Они помогали по хозяйству, некоторые из них даже жили у нас в деревянном доме, который находился во дворе школы. Спали мы со Славой в одной кровати. Зимой дом остывал за ночь. «Не хочу быть родителем», – думал я, глядя, как утром мама растапливала печь, кутаясь в байковый халат и фуфайку. Она поднимала нас, когда дома было тепло, кормила, собирала и провожала в школу. Отец уже был в школе.

Наша мама была типичной еврейской «мамой навсегда». Материнская любовь – явление абсолютное и безграничное. Сколько бы нам ни было лет, она «на убой» кормила нас и вкладывала даже в седые головы прописные истины. Мама вкусно готовила жаркое, пельмени, холодец, фаршированную рыбу, салаты и другую еду. Гости любили наш дом, где у каждой вещи было свое место. «Хорошо положишь – хорошо возьмешь», – любила она приговаривать. Мама умела делать все по дому: шить на машинке, забивать гвозди, она белила, красила, ремонтировала и, что особенно важно, научила нас делать все эти простые вещи. Папа не обладал такими навыками, равно как и желанием их приобрести. Он обеспечивал семью продуктами, как когда-то армию, ходил на рынок, любил «копаться» в земле, посадил сад и овощи на грядках возле дома и т. д.

Мама преподавала в младших классах и активно помогала папе руководить школой. Приходила домой с большой стопкой тетрадей, проверяла их, ставила оценки и писала своим каллиграфическим почерком задание на следующий урок. Меня это завораживало, и я часами мог наблюдать за ее работой. Говорили, что мама была хорошим методистом, поэтому ей доверили руководство методическим кабинетом в отделе образования Смидовичского района области. Выйдя на пенсию, мама помогала Софье растить ее детей, с одним из которых, Виталиком, она и приехала в 1993 году в Израиль. В Иерусалиме она жила с Виталиком, а потом с Соней на съемной квартире. Здесь мама упорно учила иврит и чувствовала себя счастливой, живя в стране предков. Мама скончалась в городе Афула в возрасте 89 лет после непродолжительной болезни. В ее столе оказалась пачка запечатанных подписанных конвертов с именами всех детей и внуков. *Каждому она написала личное прощальное письмо.* Мама и после кончины «собирает» всех нас у своего памятника ежегодно, а затем у Сони мы вспоминаем родителей добрым словом. Это всегда очень трогательно. Не зря шутят, что француз любит свою любовницу, англичанин любит свою жену, а еврей любит свою маму. *Светлая ей память!*

¹⁷ <https://mi3ch.livejournal.com/4118545.html>

2. Родом из детства

*Суббота, 8 ноября 1947 года, Биробиджан,
42 года до подъема в Иерусалим*

*Вначале дети любят своих родителей;
потом, когда становятся старше, начинают судить их; иногда
они их прощают...*
Оскар Уайльд

Лента новостей: 1947 год

14 сентября В Петродворце вновь открыт фонтан «Самсон».

29 ноября ООН принимает план раздела Палестины.

14 декабря Принято постановление об отмене карточной системы.

16 декабря В СССР девальвирована национальная валюта.

1947 год

Говорят, что я родился 8 ноября 1947 года в Биробиджане, на Дальнем Востоке. Какой далекой кажется теперь эта дата!

Страной правил усатый человек на огромных портретах. В стране шла борьба с «космополитизмом» – политическая кампания, направленная против интеллигенции, и особенно евреев, которых обвиняли, увольняли с работы и арестовывали. Утверждались русские и советские приоритеты во всех областях науки, что злые языки обозначили как «Россия родина слонов». Хотя народ-победитель ожидал перемен к лучшему, атмосфера в обществе была гнетущей. Сталин слыл хорошим иллюзионистом, но Осипа Мандельштама провести ему не удалось. Его стихи, написанные в 1933 году, были как никогда актуальны.

*Мы живем, под собою не чуя страны,
Наши речи за десять шагов не слышны,
А где хватит на полразговорца,
Там припомнят кремлевского горца.*

*Его толстые пальцы, как черви, жирны,
И слова, как пудовые гири, верны,
Тараканьи смеются глазница,
И сияют его голенища.*

*А вокруг него сброд тонкошеих вождей,
Он играет услугами полулюдей.
Кто свистит, кто мяучит, кто хнычет,
Он один лишь бабачит и тычет,*

*Как подкову, кует за указом указ:
Кому в пах, кому в лоб, кому в бровь, кому в глаз.
Что ни казнь у него – то малина,
И широкая грудь осетина.*

В разоренной войной стране, где в результате засухи 1946 года погибли от недоедания *около двух миллионов человек*, люди ютились в бараках и землянках и по много лет донашивали фронтное обмундирование. Создание ядерной бомбы съело огромные ресурсы. Страшная война закончилась, но гражданский мир не наступил. Мое поколение не воевало, не голодало и не провело полжизни в ГУЛАГе, нас уже не расстреливали. Другими словами, мы были первым не напуганным поколением, и оно-то положило конец коммунистическому эксперименту в 1991 году. Тому были и другие причины, экономические и международные.

Десять заповедей

Детство – особенное время жизни, именно там разворачивается наша генетическая программа. После рождения мы проходим важную стадию импринтинга¹⁸ и необходимую социализацию, постепенно становясь взрослыми и ответственными людьми. Русские язык, литература, искусство и музыка были и остались мне родными, хотя сама страна с ее коммунистической идеологией и тоталитарным режимом таковыми не являлась. В этой среде обитания я рос, учился, работал и жил 42 года.

На меня большее впечатление произвели рассказы отца о кишиневском погроме, о невинно осужденном французском офицере Дрейфусе и о служащем кирпичного завода М. Бейлисе, обвиненном в ритуальном убийстве русского мальчика в Киеве. Отец, любивший историю, рассказывал много историй о царях из дома Романовых.

Историю Иосифа и его братьев, про пророка Моисея, которому Бог дал десять заповедей, я также впервые услышал от отца:

1. *Я – Яхве, Б-г твой, не имей других богов.*
2. *Не делай себе никакого изображения божества.*
3. *Не употребляй понапрасну имя Яхве, Б-га твоего.*
4. *Помни день субботы, чтобы святить его.*
5. *Почитай отца твоего и мать твою.*
6. *Не убивай.*
7. *Не распутничай.*
8. *Не кради.*
9. *Не давай ложного свидетельства.*
10. *Не желай дома ближнего твоего, ни жены его, ничего, что у ближнего твоего*¹⁹.

Детские драмы

У меня, как и у каждого человека, случались свои драмы, есть свои комплексы и узелки памяти, осознаваемые или неосознаваемые проблемы. Не будучи поклонником психологии Фрейда и Юнга, я не намерен совершать здесь психоаналитическое путешествие в детство. Поэтому заглянем туда ненадолго, так как детство – это все-таки любимая сказка человека.

Нас было четверо детей: Саша (1937), Софья, или Соня (1942), я и Вячеслав, или Слава (1949). Саша, к сожалению, умер от тяжелой болезни в подростковом возрасте. Соня стала замечательным детским врачом и заслуженным врачом России. А Слава преуспел в математике, окончил педагогический институт в Хабаровске, аспирантуру в Воронежском универси-

¹⁸ Импринтинг (от «imprint») – врожденная готовность к фиксированному запечатлению родителей, родины и т. д. На ранних этапах жизни происходит некритичное копирование идей или паттернов поведения окружающих.

¹⁹ Согласно Библии, десять заповедей были провозглашены Богом на горе Синай перед народом Израиля в третий месяц после Исхода из Египта (Исх. 19:1) и начертаны Им на каменных скрижалях Завета (Исх. 31:18; Втор. 9:10).

тете, защитил кандидатскую диссертацию, заведовал кафедрой математики в пединституте. Я ими всегда гордился. Соня и Слава живут в Израиле, имеют собственные семьи, детей, жизнерадостных внуков и внучек. Их личные истории заслуживают отдельной книги.

Детство было вполне типичным для тех времен. Голода и войны мы не знали, одежда была более чем скромной, но не хуже, чем у многих других. Говорят, что я был жизнерадостным и в меру послушным ребенком, правда, часто болел ангиной. Мне нравилось шалить, читать книги и учиться в школе, играть в шахматы и настольный теннис, купаться в речке и ловить рыбу. Мои ранние детские воспоминания связаны с драматическими событиями, и, возможно, поэтому они сохранились в памяти.

Старший брат

Первый эпизод, который я помню, связан с болезнью моего старшего брата. Мне было около пяти лет. У Саши была болезнь Ходжкина, когда опухолевая ткань возникает из лимфоцитов. Хотя причины болезни окончательно не выяснены, ныне около 90% молодых пациентов выздоравливают. Но тогда, в 1952 году, это был приговор! Саша был на 10 лет старше, очень добрым и внимательным к нам, «малышам». Родители многие годы показывали нам его школьные тетради с отличными оценками и плакали, вспоминая его.

«Выселить этих жидов»

Приходит Моня Рабинович из школы домой в слезах:

– Мама, меня назвали жидовской мордой!

– Привыкай, сынок, ты будешь жидовской мордой в школе, в институте, в аспирантуре... Зато когда ты получишь Нобелевскую премию, тебя назовут великим русским ученым!

Второй эпизод был годом позже. Мое еврейское образование началось не с чтения Торы, а когда я услышал злобные крики нашей соседки по дому: «Выселить этих жидов». Жили мы в поселке Смидовичи при железнодорожной станции Ин, которая расположена почти посередине между двумя городами, Биробиджаном и Хабаровском. Так вот, нас действительно выселяли из квартиры. Какие-то мужики, временно заключенные на 15 суток, под руководством милиционеров выносили вещи во двор дома. Эту квартиру мы заняли двумя неделями раньше по распоряжению местной власти, потому что отец был назначен директором школы, а «дом директора» был еще занят предыдущим директором. Временная квартира принадлежала ведомству железной дороги, которое не подчинялось местным властям. Борьба между властями в стране была делом обычным. Так я оказался сидящим на чемоданах во дворе дома. Сестра и младший брат сидели рядом, мама ругалась с милиционерами, которые выносили наши пожитки, а любопытные соседки радовались этому зрелищу. Мне было страшно и как-то не по себе. Когда стало темнеть, вернулся отец с работы, кому-то позвонил, топором сбил замок с двери квартиры, и мы сами занесли наши вещи обратно в квартиру.

Естественно, подоплеку этой истории я услышал и запомнил много позже. Тогда же родители объяснили, что мы евреи, что это такая же национальность, как русские и украинцы. Я, разумеется, не понял тогда, кто такие евреи и жида, почему и как мы ими стали. Запомнил, однако, что мы какие-то не такие люди, как наши соседи, которые нас, евреев, не любят. Кстати, я никогда не испытывал потребности, чтобы меня любили чужие люди, но именно с этого эпизода началось мое знакомство с антисемитизмом, который, по словам Натана Щаранского, был прочной связью с еврейством в нашем советском детстве²⁰. Что такое Бар Мицва и Йом Кипур,

²⁰ Натан Щаранский – зек в СССР, ставший министром в Израиле. Ему угрожали приговором к расстрелу, потом приговор заменили на 13 лет лагерей. Он отсидел 9 лет. Из них 405 дней – в карцере и много лет – в одиночке. Голодовки, однажды

я не знал и с еврейскими традициями, историей и культурой познакомился много позже, читая романы Лиона Фейхтвангера.

В школе, при переключках в классе, моя фамилия – Рицнер – звучала иначе и была совсем не похожа на большинство русских фамилий. Мои родители говорили о евреях только тогда, когда они были дома одни или в присутствии их друзей-евреев.

Такая селективность вела к самоцензуре и «двойной жизни», то есть к пониманию «где и что» можно говорить, что – нет. Начавшись с еврейской темы, самоцензура постепенно распространилась на многие социально значимые темы и стала неотъемлемой частью повседневной жизни, что было прямым следствием идеологического режима в стране.

Пройдут многие годы, прежде чем я начну понимать, что вместо гражданского общества в моей стране существует тоталитарная модель: вождь, его соратники, бюрократия и массы.

- Советская пропаганда «трещала» об успехах строительства социализма – коммунизма, хотя страна не могла достойно прокормиться.
- Права человека покоились только на бумаге, преследовались инакомыслящие, в ходу были примитивная демагогия и ложь.
- Атмосфера в обществе напоминала непроветренную коммунальную квартиру с давно забитой канализацией.
- Прогрессировал государственный антисемитизм, росло количество «отказников».
- Проклинались сионизм и «загнивающий» капитализм.
- Срочно требовался демонтаж социалистического эксперимента.

Понимание природы и общественного устройства Страны Советов приходило по мере моего взросления, изучения общественных дисциплин и анализа событий, происходивших в реальной жизни. Для изучения истории страны нам предлагали лживые учебники (например, «Краткий курс ВКПб») ²¹, власти скрывали страшные факты войны с собственным народом. К этому я еще вернусь (см. очерк «Инакомыслие»).

Глазная клиника

Третий эпизод связан с моей госпитализацией в глазную клинику города Хабаровска после того, как я перенес травму левого глаза, играя в «войну». Мы бросались камнями, и один камень, отскочив от стены дома, попал мне в левый глаз. Глаз остался цел, но в нем что-то повредилось. Мне было шесть лет, но моя память цепко сохранила многие подробности пребывания в больнице: обходы врачей, перевязки, операции, слезы и игры моих новых приятелей. Заведовал клиникой уважаемый профессор Исаак Григорьевич Ершкович. Он был учеником всемирно известного офтальмолога – академика Владимира Петровича Филатова (г. Одесса). Профессор Ершкович ходил по отделению со свитой врачей и студентов, излучал обаяние, и дети просто липли к нему. Сотрудники относились к нему с большим почтением, и мне уже тогда захотелось стать таким же умным и опытным врачом.

Два дня в неделю в клинике были операционные дни. Из палат вывозили на каталках детей. Возвращались они с перевязанными глазами. В этот день в палату пускали родителей. Однажды увезли и меня, но видеть лучше левым глазом я не стал. Не помогли и строгие реко-

целых 110 дней, принудительное кормление и наконец высылка из СССР. Награжден Золотой медалью конгресса США.

²¹ Этой книгой, или «библией сталинизма», промывали мозги читателям, внушая партийную версию исторического развития России, революции и СССР.

мендации врачей не заниматься спортивными играми, прыжками, купанием и т. д. Я их соблюдал около года, а затем отбросил все ограничения, чем очень расстроил маму. Всю последующую жизнь я играл в настольный теннис, плавал, катался на горных лыжах (сломал однажды ногу), занимался боксом, штангой и не испытывал каких-либо проблем с недостатком зрения. Став врачом, я понял, что медицина предпочитает использовать «ограничительную модель» для рекомендаций, многое запрещая и запугивая пациентов. Этим она часто прикрывает пробы в точных знаниях.

На этом мои детские драмы закончились, если не считать мелких неудач в повседневной жизни.

Наш двор

Меня воспитывали не только родители, но и, как говорили, «улица». Между ними случались и противоречия. Если дома мы видели добропорядочное поведение родителей, то на «улице» было приемлемо и многое другое: споры, ругань, драки, вранье, но также дружба, братство и отчаянные поступки. На «улице» был свой кодекс чести! Трусость покрывала подростка позором, смелость – уважением.

Несколько лет наша семья жила в директорском доме, во дворе школы номер три поселка Смидовичи. Дом был расположен на периферии большого школьного двора. Его окружали несколько соток земли с грядками, где папа выращивал овощи и заботливо за ними ухаживал. Он приучал и меня с братом к этому, правда, без большого успеха. В небольшом сарайчике жили-были красивая корова, много гусей, уток и пара десятков непослушных кур с петухом, который нас будил рано утром. Так что овощей, молока, творога, сметаны и яиц в доме хватало.

Недалеко от нашего дома жили семьи завуча школы Ефима Моисеевича Спектора, человека серьезного и педантичного, и учителя физики Наума Израилевича Цейтлина, знаменитого своей лохматой кудрявой головой. Он и носил ее бережно, как будто это была стеклянная ваза. Их дети, Мишка и Люся Спектор вместе с Вовкой Цейтлином, были нашими дворовыми друзьями (все они живут в Израиле). Мы проводили свободное время вместе, играя в детские игры. Предметом общей зависти был Мишкин велосипед, на котором мы и научились кататься.

Когда в поселке начали строить новые двухэтажные каменные дома, нас переселили в один из таких домов, состоящий из восьми квартир. К дому примыкал большой двор. У нас с братом появилось много друзей-товарищей, с кем можно было играть, бороться и драться. Играли мы в домино, настольный теннис, карты, шахматы, футбол и в «войну», естественно. Победа на войне была приоритетной среди мальчишек. Образовалась четверка мушкетеров. Фехтовали деревянными палками – саблями, подражая мушкетерам (я был Арамисом), бросались камнями и чем попало. Бои происходили на развалинах соседнего деревянного дома, где уже никто не жил. При появлении мальчишек из другого двора мы прекращали свои потасовки и обращали оружие против чужих. Личная смелость высоко ценилась. Так мы учились не трусить, преодолевать свои страхи и скрывать их от других. Царапины и шрамы носили как медали и ордена.

Зимой мы заливали во дворе каток. Кто-то из родителей делал опалубку для большого катка, а вода наливалась по шлангу из дворовой колонки. Оборудование для хоккея с мячом купить было негде. Простые коньки прикручивали к валенкам веревками, а клюшки делали сами, выпиливая нужный профиль лобзиком из фанеры и обматывая его шнурками и изоляционной лентой. Желания и азарта в игре было сверх меры. Со временем мы обзавелись фабричными коньками на ботинках и настоящими клюшками. Тогда стали ходить на каток стадиона, что был построен в центре поселка. Там мы и оставляли большую часть подростковой агрессии и свободного времени.

Увлечения

Рыбалка была для нас с братом заветной мечтой. Папа не был рыбаком и научить нас этому не мог. Он, конечно, «рыбачил», но только на рынке. Выручили наши соседи и их дети, которые брали меня и брата на рыбалку. Мы ходили ночью на утренний клев рыбы в притоках реки Большой Ин. Когда начинало светать, забрасывали удочки, следили за поплавками, подсекали мелкую рыбешку. Ловились щуки, сомики и караси. Приходилось терпеть укусы комаров и разной мошки. Варили на костре уху. Став постарше, мы с братом обзавелись собственными рыболовецкими снастями, сделав удочки, донки и другие средства. Позднее ходили на рыбалку с друзьями, но уже без взрослых. Эффективность папиной «рыбалки» была неизмеримо выше.

Куда нас отец брал с братом регулярно – это в баню. Баня в поселке была «крутая», особенно парная. Отец парился веником долго и на самой верхней полке, добавляя пар до тех пор, пока не оставался почти один в парной. Выходил он красным, как рак. Мы к этому тоже постепенно привыкли. Наверно поэтому мне до сих пор нравится сидеть в сухих и влажных саунах. На обратном пути домой мы заходили к папиному завхозу – дяде Павлу и тете Нюре. Они были украинцами. Здесь взрослые пили, хвалили самогон, вспоминали Украину и пели украинские песни. А мы с братом бегали во дворе. Дядя Павел запомнился мне еще и зимними катаниями на санях, запряженных двойкой лошадей. Детей предварительно закутывали в овчинные шубы так, что видны были только красные носы.

Увлекла меня фотография. Я стал посещать фотокружок. Там я узнал теорию этого дела, научился заряжать и обрабатывать пленку в темноте, готовить реактивы и печатать фотографии. Было что-то таинственное в появлении лиц и природы на фотобумаге. Страсть фотографировать не пропала до сих пор. Техника и технологии сейчас другие. Они позволяют делать серию снимков какого-либо «объекта» в движении и без того, чтобы он позировал. Потом отбираются интересные кадры-моменты, остальные удаляются.

Семейные будни

Я, естественно, любил своих родителей и не помню скандалов между ними. В целом родительский дом был теплым и дружелюбным. Папа любил в воскресенье выпить после бани «чекушку» водки (250 мл), что маме не нравилось. Родители, если была нужда, разбирались сами, без нашего участия. Авторитет отца в семье никем не оспаривался, мама покрывала наши шалости и вела дом. Когда подросла Соня, к ее мнению стали прислушиваться родители, но не мы со Славой. Шкодничали мы на пару и врозь. Соня вынесла многие наши проделки. Мы вытряхивали сумку с ее учебниками по анатомии, хирургии, акушерству и другими. Рассматривая картинки, мы познакомились с половыми различиями между мужчинами и женщинами, узнали, как рождаются дети, и многое другое. Обнаружив у сестры шприцы и иголки, мы практиковались делать уколы, используя воду и подушки. Мама не сразу догадалась, почему в доме отсырели подушки. Так пробуждался у меня интерес к медицине. Славе нередко доставалось за двоих. Наши разборки с братом привели к тому, что родители все чаще стали подумывать, как нас развести. Случай подвернулся – я поступил учиться в Биробиджанский медицинский колледж. Мне не было полных 14 лет, когда я «вылетел из гнезда» и созревал как личность уже вне дома.

Еврейские традиции в нашем доме, как и в большинстве еврейских семей, не соблюдались. Так решили родители, зная, где они живут, и опасаясь иметь дело с антисемитами. Мама не зажигала субботние свечи, но на Пейсах всегда пекла мацу и делала *гефилте фиши* или фаршированную рыбу. Их друзья любили бывать у нас дома. На праздники накрывался вкусный стол, приходили гости, пили, ели, пели песни на идиш: еврейскую застольную («Ло мир аллэ инейнем...») и другие, а также по-украински. Папа охотно запевал красивым баритоном:

*Распрягайте, хлопцы, коней
Та лягайтэ спочивать,
А я пиду в сад зелений,
В сад криниченьку копать...*

Наше детство прошло в атмосфере «педагогических советов», которые проходили в школе, но завершались дома. Родители допоздна продолжали обсуждать школьные дела, и под эту «музыку» мы нередко засыпали. Детские мечты менялись с возрастом, но две из них не проходили: я страстно мечтал стать поскорее самостоятельным, взрослым и побывать в стране, где растут пальмы на берегу моря. Обе мечты воплотились, но об этом речь еще впереди.

За кулисами²²

*Есть в жизни нечто большее, чем мы,
что греет нас, само себя не грея...*
Иосиф Бродский

Евреи – древнейший народ, который создал монотеистическую религию – иудаизм (получив Тору – Библию), открыл нравственную модель («десять заповедей»), но не имел государственности две тысячи лет. Будучи изгнанными из своей страны, евреи обособленно жили среди других народов, вызывая непонимание, зависть и ненависть, породившие «антисемитизм» (см. очерк «Дети Авраама»).

В 1934 году Сталин велел образовать в южной части Дальнего Востока так называемую Еврейскую автономную область (ЕАО), где мне было суждено родиться, вырасти и работать после окончания медицинского института 10 лет. В поселок при железнодорожной станции Тихонькая (позже получивший название Биробиджан) к 1934 году приехало около 20 тысяч евреев. Здесь начала выходить газета на идише, стали печататься книги, заработали еврейские школы и театр. Однако в 40-х годах в рамках борьбы с космополитизмом еврейские школы и театр закрывают, а в 1949 году арестовывают всех собравшихся в синагоге на празднование Нового года, раввина расстреливают. После таких событий «титульное» население ЕАО существенно поредело.

Евреи никогда не составляли в ЕАО большинства. В 1937 году там проживало 24% евреев из 76 тыс. жителей, в 1989 году – 4% из 214 тыс. жителей, а в 2010 году – 1% из 176 тыс. человек. Согласно последней переписи населения, в ЕАО проживает чуть больше 1660 евреев. Поэтому ЕАО нередко предлагают упразднить, но этот абсурдный проект до сих пор не ликвидирован в нынешней России и «еврейская жизнь» здесь насильственно «процветает». Ну чем не исторический анекдот?

Я ничего не хочу сказать плохого о людях, там живших и живущих. Люди как люди. Только само место, вывески, использование имени и культуры древнейшего народа создавало атмосферу лжи и фальши, чем страна была и так перегружена. ЕАО – печальный осколок политической утопии.

²² «За кулисами» в переносном смысле означает какие-то скрытные, тайно, негласно или келейно происходящие события. В этом отношении с театрами успешно конкурируют научно-исследовательские институты.

Изменения внешнего вида автора в России

Слева направо: Александр, Софья, Михаил и Вячеслав Рицнеры

Мейлех Рицнер родился в 1913 году, место рождения: Ладыженка, Украина. Столяр. Женат - супруга Клара, девичья фамилия Штырмер. Место жительства: Херсон. Погиб в боях под Москвой.

Моше Рицнер родился в 1916 году, место рождения: Ладыженка, Украина. Учитель математики. Холост. Место жительства: Херсон. Моше погиб в боях в декабре 1941 года.

Семья Рицнер, Херсон, 1952 год. Слева направо, нижний ряд: тетя Рахила, Соня Рицнер, бабушка Эйда, Слава Рицнер, дедушка Эли, Лиза и ее мама - тетя Лиза, Миша Рицнер, моя мама-Бетя Рицнер; верхний ряд: дядя Леня Рицнер, дядя Петя Рицнер, двоюродная сестра Соня, дядя Борис - муж тети Лизы и мой папа - Самуил Рицнер

Семья мамы, Брен. Слева внизу папа и мама, над ними - маминь родители: дедушка Аарон и бабушка Рива. Справа в нижнем ряду: двоюродный брат Владимир Апрасовский с дочерью (сын тети Ани), мама, папа и тетя Фира Фраймович (Брен); второй ряд: А. Портнов, тетя Аня Розенберг (Брен), дядя Лева Фраймович, дядя Иосиф Брен; верхний ряд: дядя Миша Розенберг, тетя Клара Портнова (Брен), двоюродный брат Семен Сердце (сын тети Клары и муж Сони Рицнер)

Самуил Ильич Рицнер, студент и директор школы

С мамой и сестрой в Израиле

1 - Олег Гальнский, 2 - Миша Рицнер, 3 - Коля Пиняев, 4 - Миша Спектор,
5 - Таня Вольнец, 6 - Вася Кукарцев, 7 - Галина Павловна Пиняева - наша
замечательная учительница

Педагогический коллектив
«папиной школы». Слева
направо, нижний ряд:
мама, папа, Н.И.Цейтлин,
?; второй ряд: В.И. Пиняев,
Шибанова, А.И.Лизандер,
И.И.Соболев; верхний ряд:
Г. П. Пиняева, ?, ?

Моя группа

3. Папина школа

*1954 год, пос. Смидовичи, ЕАО,
35 лет до подъема в Иерусалим*

*Плохой учитель преподносит истину,
хороший учит ее находить
Адольф Дистервег*

Лента новостей: 1954 год

9 февраля Назначение Г. К. Жукова министром обороны СССР.

19 февраля Н. С. Хрущев «подарил» Крым Украинской ССР.

2 июня Официальная дата создания космодрома Байконур.

20 июля Открытие Московского Кремля для посетителей.

9 сентября СССР отпустил немецких военнопленных на родину.

«Папина школа»

Школу, пока учишься в ней, тихо ненавидишь, а потом вспоминаешь с самыми нежными чувствами. Все мы, Соня, Слава и я, учились в школе номер три поселка Смидовичи, где папа не только преподавал ботанику, зоологию и химию, но и был директором. Многие называли ее «школой Рицнера». А для нас, его детей, она была «папиной школой». В этом нам повезло и не повезло одновременно! Повезло, так как он был хороший учитель, лектор-методист и интересно вел уроки. В то же время, когда он вызывал меня к доске, весь класс считал количество заданных вопросов: 1, 2, 3, 4, 5 и более. Никаких скидок! Более того, шансов оказаться у доски у меня было намного больше, если отец видел, что накануне его урока я не готовился к нему. В этом была своеобразная игра: я специально делал вид, что не готовлю домашнее задание (хотя украдкой все подготовил), а отец делал вид, что ему все равно. Победы были знакомы нам обоим, а общий счет, мне помнится, был ничейным.

Соня была очень прилежной ученицей, и ее всегда ставили нам в пример. Я был следующим по прилежанию, а Слава – за мной, на почетном третьем месте.

Мы со Славой любили решать на скорость алгебраические уравнения. Наверное, неслучайно он стал математиком, а я широко использую математические методы для анализа данных научных исследований. Слава вел себя вызывающе, не спускал учителям и нередко оказывался в кабинете директора с жалующимся на него учителем. Когда его туда сопровождали за очередной проступок, он не упирался, а пытался объяснить им: «*Это ни к чему, директора я хорошо знаю*».

Окончив институт и аспирантуру, Слава подарил мне автореферат диссертации по математике. Я упорно пытался понять содержание работы, но в итоге разобрал только фамилию автора. Так что школьные успехи имеют весьма относительное прогностическое значение в отношении будущих успехов ученика.

Моими одноклассниками были Коля Пиняев, Миша Спектор, Саша Кукарцев, Олег Галынский, Павленко, Радышевский, Таня Вольнец, Тютюнок, Мартыненко и другие. Заводилой в классе был Олег Галынский, а лучшей ученицей – Таня Вольнец. Кроме Коли Пиняева и Миши Спектора, я ничего не знаю о судьбе других.

Моя первая любовь случилась в пятом классе. Звали ее Лариса. Она была брюнеткой с крупными и, как мне казалось, очень красивыми глазами. Она не проявляла ко мне особого

интереса, поэтому любовь была тайной и мучительной, а ночи – бессонными. Страдал я влюбленностью не более трех месяцев и выздоровел без чьей-либо помощи. Потом я влюблялся в других девочек, но уже не тайно, мы обменивались записками, детской ревностью и даже наивными слезами. Ничто не ново под луной!

Учителя были весьма разными, но любимых учителей среди них не было. Скучными были уроки Ивана Семеновича Соболева и Наума Израилевича Цейтлина. Из учителей мне запомнилась Галина Федоровна Сулова, которая преподавала русский язык и литературу. Она нудно диктовала нам под запись ужасно длинные предложения. Полюбить литературу в советской школе было невозможно.

Конечно, школа не занимала все наши мысли и время: были игры в городки, шахматы, настольный теннис, художественная самодеятельность и книги. Наше с братом музыкальное образование началось в кружках с изучения нотной грамоты и игры на инструментах.

Помню, один учитель (дядя Коля) обучал игре на баяне. Мы ходили к нему домой на уроки. Баян везли на санках. Иногда он был пьян и не в состоянии провести урок. Слава научился играть, а я нет, у меня не хватало терпения, хотя слух был хорошим. Дядя Коля учил нас петь. Он руководил школьным хором, где мы с братом были солистами.

Помню, на конкурсе школ получили грамоту за песню «Русское поле» (слова И. Гоффа, музыка Я. Френкеля):

*Поле, русское поле...
Светит луна или падает снег —
Счастьем и болью вместе с тобою,
Нет, не забыть тебя сердцу вовек!
Русское поле, русское поле...
Сколько дорог прошагать мне пришлось!
Ты моя юность, ты моя воля,
То, что сбылось, то, что в жизни сбылось.*

Хорошую литературу в школе не преподавали, на уроках не учили думать, преобладала пропаганда, то есть «*искусство убеждать других в том, во что ты сам не веришь*» (Абба Эбан, политик).

Советский агитпроп²³ делил писателей на «классиков» (Пушкин, Гоголь, Толстой, Достоевский), «прогрессивных» (Маяковский, Шолохов, Фадеев, Симонов) и на «реакционных» или «не наших» (Пастернак, Ахматова, Зощенко, Куприн, Алданов, Бабель, Василий Гройсман и другие). Чем не пример примитивной ментальности и «биполярного мироощущения», базирующихся на редукционизме «Капитала» К. Маркса и революционной концепции В. И. Ленина. Первоисточник такого подхода можно усмотреть в Евангелии от Матфея: «*Кто не со Мною, тот против Меня, и кто не собирает со Мною, тот расточает*»²⁴. Однако понимание истоков не облегчало ситуацию.

Читать книги и выбирать их в библиотеке было моей непреходящей страстью с детских лет. Я читал не рекомендованные учителями книги «запоем», часто по ночам, не желая прерываться. Список их длинный²⁵. Отец многократно мне говорил, что я буду «сказочник», так

²³ Агитпроп (сокращение от слов «агитация» и «пропаганда») – обиходное название отдела пропаганды и агитации при ЦК КПСС.

²⁴ Глава 12, ст. 30 и Евангелие от Луки, глава 11, ст. 23

²⁵ Мифы Древней Греции и миллион сказок любых народов, «Малыш и Карлсон, который живет на крыше», «Приключения Незнайки и его друзей», «Золотой ключик, или Приключения Буратино», «Приключения Чиполлино», «Граф Монте-Кристо», «Три мушкетера», «Голова профессора Доуэля», «Дети капитана Гранта», «Пятнадцатилетний капитан», «Робинзон Крузо», «Приключения Шерлока Холмса», «Два капитана», книги О'Генри, Рафаэля Сабатини, Марка Твена, Вальтера

как читаю несерьезную литературу, и приводил в пример некоторых моих одноклассников – Колю Пиняева и Таню Волынец. Вот они читали серьезную литературу, рекомендованную учителями и школьной программой. Я с отцом тогда не спорил, но и не «брал в голову» его слова, хотя это меня иногда обижало.

Признаюсь, что, кроме книг Толстого, Чехова, Пушкина и Лермонтова, я не прочитал ничего по рекомендации школьной программы. Я не мог себя заставить читать Достоевского, Шолохова, Гоголя, Островского, Фадеева, Маяковского, Тургенева и Чернышевского. Эти авторы не нравились мне по разным причинам. Главное – герои этих произведений не вызывали у меня интереса и никак не волновали. Учителя, заучив рекомендации агитпропа, преподносили нам разбор творчества классиков в предельно скучной и отталкивающей форме.

В студенческие годы и позднее у меня на столе появились книги Булгакова, братьев Стругацких, Ильфа и Петрова, Бабеля, Хейли, Драйзера, Фейхтвангера, Цвейга, Бальзака, Пастернака, Бродского, Мандельштама, Блока, Цветаевой, Довлатова, Гумилева и Алданова. Система советского образования не рекомендовала их для чтения, а некоторые были вообще запрещены. Это была литература другой пробы и ментальности, она побуждала к размышлениям, к свободе и привлекала талантом писателей.

Школа – это не только учеба и оценки, это еще и каникулы, пионерские лагеря, костры и походы. В лагере, когда мне было 10 лет, я научился плавать без учителя. Однажды мы раскачивали лодку, и она перевернулась. Речка была глубокой, но не очень широкой. Барахтаюсь в воде, все дети добрались до берега. Назавтра мы стали пытаться переплыть речку. Было страшновато, но заразительно. Я ее с трудом одолел только со второй попытки. Страх сковывал руки и ноги, но если не сдаваться, то страх преодолим. Таким способом я разбирался и с другими своими страхами – например, со страхом перед выступлением в большой или незнакомой аудитории.

Когда я окончил семь классов, страна решила перейти с 10-летнего на 11-летнее обучение. Более того, после окончания 11-го класса выпускники обязывались государством отработать два года в колхозах и совхозах. Такая трудовая повинность («барщина») меня не привлекала. Желая стать врачом, я согласился с идеей родителей сначала окончить медицинский техникум (колледж) в Биробиджане, который уже закончила моя старшая сестра Соня. Иными словами, вместо четырех лет в школе (8—11-е классы) я решил получить среднее образование и специальность фельдшера. Предполагалось, что я буду жить у маминых родителей: бабушки Ривки и дедушки Аарона Брен. Это давало мне больше свободы от опеки родителей – мечта любого подростка. Дополнительным аргументом родителей было желание «разъединить» меня с младшим братом Славой (12 лет), который ни в чем не хотел мне уступать. На том и порешили. В конце лета 1961 года я поехал в Биробиджан сдавать вступительные экзамены. Ехать надо было на поезде примерно полтора часа. Я впервые участвовал в конкурсе и очень волновался. Экзамены сдал на «4» и «5», и меня зачислили на фельдшерское отделение. Впереди была новая и почти самостоятельная жизнь.

За кулисами

Выбор профессии – ключевой момент в нашей жизни. Кому-то он дается с первой попытки, а многим приходится пройти извилистый путь и по разным причинам даже не дойти до желаемой цели. Мне повезло, с медициной я познакомился рано, старшая сестра была примером, а желание кого-либо спасти стало привлекательной идеей. Так что выбирать долго не пришлось. На врачей в те годы все смотрели с пиететом и глубоким уважением, как бы «снизу вверх». Мне хотелось стать таким уважаемым врачом. Однако за последние 40 лет

медицина стала более «технологичной», то есть врач больше внимания уделяет анализам и приборам, чем самим пациентам. Понятно, что эффективность распознавания и лечения болезни требует подчас многочисленных обследований, сложных приборов и узких специалистов, глубоко разбирающихся в новых технологиях. Верно и то, что эффективность диагностики и лечения многократно выросли за эти годы. Однако пациенты по-прежнему ожидают теплого и личного отношения к себе со стороны лечащего врача, у которого просто не остается либо времени, либо желания дать ему это.

Мои сыновья не выбрали медицину, Эдик стал математиком-программистом и бизнесменом, а Израиль – электронщиком, но оба они стали хорошими людьми, мужьями и отцами.

4. Колледж

*1961 год, Биробиджан, ЕАО,
28 лет до подъема в Иерусалим*

*Неправильное знание хуже, чем незнание
Адольф Дистервег*

Лента новостей: 1961—1965 годы

31 октября 1961 г. Тело Сталина вынесено из Мавзолея.

6 февраля 1962 г. Подавление демонстрации рабочих в Новочеркасске.

11 мая 1963 г. Судебный процесс по делу шпиона Олега Пеньковского.

17 апреля 1964 г. С большой помпой отмечено 70-летие Н. С. Хрущева.

23 апреля 1965 г. Налет американской авиации на Северный Вьетнам.

У бабушки с дедушкой

Поступив в Биробиджанский медицинский техникум (ныне – колледж), я переехал жить к маминим родителям. Мне было 14 лет. Настроение было приподнятым, ощущения – удивительными, неизвестность – радостной, эндорфины «бурлили» в моей крови²⁶. «*Я свободен, уже не школьник, выучусь и стану врачом*», – такие мысли-мечты пьянили, а самооценка обрела крылья.

Всем хорошо известны анекдоты о заботливости еврейской мамы, но это цветочки по сравнению с еврейской бабушкой, главный смысл жизни которой – это накормить внуков. Например: «Если ты не будешь кушать, я убью себя!»

Мои бабушка Ривка и дедушка Аарон выглядели старенькими, хотя им было шестьдесят с небольшим. Жили они самостоятельно в домике в центре Биробиджана. К нему примыкал небольшой участок земли с грядками овощей и кустами смородины и малины. До пенсии дедушка работал мастером на мебельной фабрике, а бабушка была домохозяйкой (но какой!). Кроме двух дочерей (моей мамы и тети Фиры) и дяди Миши Брен, остальные их дети жили в Биробиджане. Они навещали бабушку и дедушку почти еженедельно. Было весело и шумно! Жил я как «у Б-га за пазухой». Этот год невозможно забыть. Они обо мне заботились, как могут заботиться, баловать и любить только бабушки и дедушки. Типичная зарисовка: я сижу на кухне, учу анатомию человека, засунув ноги в духовку кирпичной печи. Бабушка что-то варит и суетится вокруг меня. Она заглядывает подслеповатыми глазами в мой учебник анатомии, ставит табуретку возле меня и, используя ее в качестве столика, кладет на нее струдель, домашнее варенье, семечки и вкусный чай. Когда же я делаю перерыв и перехожу в гостиную комнату, бабуля покрикивает на деда Аарона: «Арчик, Арчик, играй с ним в домино. Ты что, не видишь, что ему скучно и он устал читать свои книжки?» Это надо было видеть и слышать!

Но все хорошее когда-нибудь заканчивается. Перейдя на второй курс, я получил место в общежитии. И вот тогда-то началась моя самостоятельная жизнь. Года через три бабушка и дедушка уже не могли жить самостоятельно, бабушку взяла к себе тетя Фира, а дедушка стал жить у моих родителей.

²⁶ Эндорфин приводит человека к эйфории (состоянию блаженства), его еще называют «естественным наркотиком» или «гормоном счастья». Любые положительные переживания поднимают уровень эндорфина в крови.

*Бабушка и дедушка Брен скончались в один
и тот же день. Во мне живут их гены...
Светлая им память!*

Классные «мамы»

Обучение в колледже было четырехлетним. На каждом курсе было по две группы. Я учился в группе на фельдшерском отделении, но была еще акушерская группа. Всего было 33—35 человек в каждой группе. Таким образом, в восьми группах на четырех курсах было около 300 студентов. Программа включала все общеобразовательные предметы, как в средней школе, и специальные медицинские предметы с практикой. Другими словами, учебная нагрузка была больше, чем в школе.

В школе я учился без особого труда и получал хорошие оценки. Первый год учебы в колледже показался мне очень трудным. Ежедневно надо было усвоить нового материала в три-пять раз больше, чем в школе. У меня появились тройки и даже двойки, особенно по физике, за что классный руководитель *Земфира Алексеевна Макарова (1931—2004)* меня третировала. Она была еще молодой женщиной, среднего роста, с желтоватым цветом кожи со следами оспин. Губы она красила очень яркой красной помадой. Земфира Алексеевна казалась мне недоброй и циничной по характеру. Мои юношеские впечатления подтвердились через десять лет, когда я стал преподавать в том же колледже. Земфира Алексеевна окончила физико-математический факультет Хабаровского педагогического института. Систематически унижая меня за плохие оценки, она повторяла вслух при любом случае: *«Миша, хорошие оценки в школе ты получал по блату, так как папочка был директором»*. Другие студенты тоже учились не лучшим образом, но у них папа не был директором и школьный табель не был так хорош. Такое унижение продолжалось весь первый год, хотя я отчаянно старался доказать, что мои школьные оценки получены не по блату. И только во втором семестре мои оценки стали заметно улучшаться.

Мне повезло, когда после второго курса группе поменяли классного руководителя. Им стала *Софья Константиновна Дризо* – редкой души человек, терапевт, лет сорока, с худенькой фигурой и большими красивыми глазами. Софья Константиновна заботилась о нас как «еврейская мама». Когда она пыталась нас пожурить, то нам становилось ее просто жалко. Меня она любила и поэтому прощала мне мелкие проделки, например прогулы уроков и гулянки, приговаривая: *«Ах Миша, Миша, ну как вы это себе позволяете? Ну почему же вы не пользуетесь своей головой?»* Софья Константиновна не была замужем, жила одна и нередко приглашала меня и других студентов к себе домой «на разговоры» о планах, интересах и о жизни вообще. Я любил эти беседы, так как во всем ее облике и поведении проглядывали не только ум, но и особая деликатность, искренность и доброжелательность. Софья Константиновна, в свою очередь, гордилась мной и не скрывала это. Когда, окончив медицинский институт, я был распределен врачом-преподавателем в Биробиджанский колледж, мне не надо было напрягаться, чтобы выразить ей мое уважение, благодарность и любовь.

Учеба и не только

Последующие три года я жил в общежитии. Здание было двухэтажным и деревянным, с печным отоплением. Печи открывались в коридор. Во дворе была куча угля, топили сами. Общежитие имело 130 мест, в нем проживало 120 девушек, остальные – юноши. Меня поселили в комнату с двумя парнями: *Мишкой Семькиным* (из моей группы) и *Левкой Каплан* (на курс старше). Оба были красивыми парнями, на которых девушки просто «вешались». Была еще одна мужская комната, с моими сокурсниками *Юрой Гребенцом* и *Петей Сединым*. Девушки не оставляли нас без внимания и очень облегчали нашу холостяцкую жизнь: стирали

и гладили наши белые халаты, мыли полы, приглашали ужинать и оказывали другие знаки внимания. Одна симпатичная студентка, которая в свои 22 года казалась мне «старухой», преподала мне первые уроки секса. Затем были другие симпатии, вечеринки, танцы и романы, сплетни, расставания и слезы. Однако основное время занимала учеба.

Приходилось учиться пользоваться рано упавшей на меня свободой, распоряжаться деньгами (стипендией 24 рубля в месяц), свободным временем и т. д. Домой я ездил сначала еженедельно, потом раз в две недели. Отчаянно не любил стирать свое белье и мыть посуду. С *Мишкой Семькиным* мы стали друзьями. Он жил на станции Бира, недалеко от Биробиджана. Однажды мы поехали к нему на день рождения, где я впервые перепил водки, не желая отставать от других. Это состояние мне не понравилось, болела голова, тошнило, была рвота и т. д. После этого случая научился контролировать дозу принимаемого алкоголя.

В те годы были очень популярны «Битлз». В нашей фельдшерской группе учился один очень музыкальный парень, *Валера Унчиков*, который организовал мужской квинтет. Мы с энтузиазмом пели тирольские и иные песни под его гитару. Выступали на вечерах студентов и конкурсах, были популярны. После окончания колледжа Мишку призвали в армию. А когда он демобилизовался, я помог ему поступить в медицинский институт. Он стал хорошим анестезиологом и много лет работал в Хабаровске.

В колледже студентам приходилось сдавать зимнюю и летнюю сессии по 4—5 экзаменов в каждой. Мы изучали медицинские предметы: анатомию, физиологию, терапию, хирургию, акушерство и так далее, то есть почти все, что учат врачи. Судя по оценкам, я учился из года в год все лучше и лучше. Летние каникулы я отдыхал дома, читал книги и работал: на складах сбивал ящики для овощей (по 10—15 копеек за ящик) или бетонировал фундамент под будущий дом на стройке. Платили мало, но заработанные деньги повышали самооценку и уменьшали зависимость от родителей. На первую стипендию (28 рублей) купил капроновые чулки сестре, потом – фотоаппарат (марки ФЭД), заказал портнихе сшить модные и стильные рубашки. Сейчас я бы такие не носил.

Естественно, что студенты были заняты не только учебой. Мы развлекались, особенно на вечерах танцев, которые устраивали в большом актовом зале учебного корпуса. Приходило на эти вечера (в наш «девичник») много городских парней. Хотя девушек было много, случались драки, когда желание и выбор партнеров не совпадали. Так, однажды ко мне в перерыве между танцами подошла одна девушка-«дюймовочка» и попросила станцевать с ней следующий танец и таким образом спасти ее от нежеланного ухажера. Звали ее *Галина Бекерман*, она училась в параллельной акушерской группе, но лично мы не были знакомы. Я охотно «спас» ее в этот раз, так мы познакомились, и, как оказалось, надолго.

На другой вечеринке завязалась драка за девушку между пришедшими городскими парнями и студентами. Один из студентов, *Слава Геллер*, попытался защитить девушку, но в итоге ударил ножом кого-то из нападавших ребят. Слава уже отсидел в лагере один срок за драку, и его посадили вновь. Он был крупным парнем, около двух метров ростом, и очень силен, головой его тоже природа не обидела. Кроме того, он очень красиво матерился и знал много анекдотов. В лагере Слава работал медбратом, много читал книг и журналов по медицине. По освобождении окончил медицинский колледж и биофак пединститута. Позднее Слава обучился цитогенетическим методикам в Москве и работал цитогенетиком в психиатрической больнице, которую я открыл в Биробиджане в 1976 году.

Флеш-нокдаун

Как и многие подростки, мне хотелось быть сильным, и поэтому я накачивал мышцы гантелями и занимался в спортзале. Вскоре мне этого показалось мало, и я записался в городскую секцию бокса. Тренер-энтузиаст готовил группу таких же подростков для городских сорев-

нований. Примерно через полгода он отобрал меня и еще пятерых лучших и послал на нас заявку на городские соревнования. Я уверенно выиграл два боя, но проиграл третий, пропустив удар слева и оказавшись во флеш-нокдауне²⁷. Я помню даже фамилию моего «обидчика» – Аксельрод. Мои ошибки были неизбежными из-за плохого зрения на левый глаз. Меня вообще не должны были допустить к занятиям боксом. Поняв это таким способом, я оставил бокс и пошел в секцию тяжелой атлетики. В подвале колледжа взрослые крепкие мужчины арендовали помещение, где занимались штангой и качались гирями. Они ничего не имели против моего желания стать сильным и составили мне план тренировок. Все мужики работали здесь тяжело, и мне приходилось попотеть. За год тренировок я серьезно окреп, накачал грудь, плечи и ноги. Впереди были опять соревнования, но меня спортивные результаты не привлекали. До окончания колледжа я увлекался в основном настольным теннисом и шахматами. Занятия спортом прибавили мне не только силу мышц, но и уверенность в себе, способность постоять за себя.

Медицинская практика

В летние каникулы после второго курса была месячная *санитарная практика*. Как назло, меня распределили в родильный дом. Будучи шестнадцатилетним юношей, мне пришлось выполнять все гигиенические процедуры женщинам до и после родов: перестилать кровати, подмывать их, присутствовать при родах и т. д. Это был шок: я смущался, стыдился, страдал, обильно потел, чуть не плакал, но... все это делал. К концу месяца я стал «опытным» санитаром, охотно помогал акушеркам при родах и делал внутривенные вливания. Стрессовых реакций стало меньше, почти привык, но пережитый шок не забыл до сих пор.

После третьего года обучения была *сестринская практика* в хирургическом отделении. Запомнились хирурги, операции, ночные дежурства, спасенные больные, тяжелая работа и простые диагностические алгоритмы. Типичная картинка: ординаторская комната, столы и диван, уставшие хирурги после операции принимают по «пять капель» спирта, жадно курят и обсуждают ход операции. Была в этом какая-то романтика, напоминавшая молодых врачей из фильма «Коллеги» (1962), снятого по одноименной повести Василия Аксенова. Неудивительно, что мне хотелось стать хирургом!

Государственную практику после четвертого курса я проходил в Николаевской районной больнице с ротацией в трех отделениях: терапия, хирургия и гинекология. Там же проходили практику и девушки из акушерской группы: *Галина Бекерман, Люда Плоткина, Лиля Кравец* и кто-то еще, уже не помню всех имен. Нас поселили в домике на территории больницы, девушки заняли единственную комнату, а я спал на кушетке, что оказалась на большой веранде-прихожей. Это было счастливое время.

С Галей я сошелся ближе, чем с другими. Она была маленькой, симпатичной, с темными глазами, красными щеками (за что ее прозвали «тыблочко»), с хорошей фигуркой и очень отзывчивой. Подруги любили ее, что было видно. Она отвечала на ухаживания какого-то местного парня. Однажды я видел, как они целовались перед входной дверью в наш домик. Увидев меня, она инстинктивно отстранилась от него. Так совпало, что в период этой практики мой отец заболел бронхиальной астмой и был госпитализирован в Николаевскую больницу. Он быстро поправлялся, и из всех медсестер в терапевтическом отделении ему очень понравилась именно Галина. Подначивая меня, он как-то спросил, знаю ли я эту прекрасную девушку, и добавил:

- Слабо тебе понравиться ей, а уж жениться на ней – никогда!
- Запросто, – ответил я, не отдавая себе отчета.

²⁷ Флеш-нокдаун (легкий нокдаун) – ситуация, при которой боксер касается настила ринга третьей точкой опоры (колени, рука), однако сразу же принимает вертикальное положение. В таком случае рефери все равно производит отсчет до восьми.

Так мой отец своими вопросами привлек мое внимание к девушке. Я стал оказывать ей знаки внимания, которые были взаимными. Мы поженились через три года (1968). А несколькими месяцами позже папа обратит мое внимание на загадочную науку «генетику», с которой у меня тоже начнется серьезный роман. Эти два романа и составили основу моей семейной и профессиональной жизни. Спасибо папе и Судьбе!

1965 год. Наконец я получил диплом фельдшера, он оказался «красным», то есть с отличием. Выпускной бал был праздничным. Мне еще не было 18 лет! Надежды легко брали верх над неизвестностью, а юношеский оптимизм – над реальностью. Шампанское и танцы, веселье и ночное гулянье до утра. Мы с Галей прогуляли эту ночь в большом городском парке, встретили рассвет и проводили раннюю юность. Через пару дней мы надолго разъехались, договорившись не терять друг друга. Меня ждали вступительные экзамены в медицинский институт. Гале надо было ехать на работу акушеркой в какой-то район Хабаровского края. *Жизнь набирала обороты!*

За кулисами

25 февраля 1956 года, когда мне не было девяти лет, Н. С. Хрущев сделал доклад с облачением преступлений И. Сталина. Точнее, это были только обвинения, суда и приговора не было. Это политическое землетрясение я не помню. Однако в стране стали происходить перемены, которые вслед за Ильей Эренбургом назовут «оттепелью».

Когда мне было 14 лет, в 1961 году, состоялся XX съезд КПСС, который мне запомнился тем, что у бабушки стал временно жить ее сын – мой дядя Миша Брен²⁸. Дядя окончил педагогический институт и был партийным работником. Он целыми днями слушал по радио доклады съезда, внимательно читал газеты, конспектируя что-то. Спали мы вместе на одном большом диване. Я не понимал, как все эти длинные речи могут быть интересными. Тоска, и только!

Съезд принял программу построения коммунизма, что мне тоже было малоинтересно. Запомнился хлесткий лозунг: «Нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме!» А ночью труп Сталина убрали из Мавзолея и захоронили в Кремлевской стене. В Мавзолее до сих пор остается труп Ленина, или то, что от него осталось. Грешен вельми был дедушка, вот и не вознесся на небеса. Затем поднялась волна переименований улиц и городов, расстреляли восстание рабочих в Новочеркасске (1962). Огромная страна не могла прокормиться, хотя пропаганда все активнее «тарактела» о коммунизме. К середине 1960-х некоторая часть советской интеллигенции уже была охвачена «инакомыслием». Приятное ощущение некоторой свободы вскоре испарилось. «Голос Америки» и «Свобода» сообщали, что пятого декабря 1965 года на Пушкинской площади в Москве состоялся митинг в поддержку арестованных писателей *Юлия Даниэля и Андрея Синявского*. В преддверии этой акции распространялись листовки с призывом выйти на площадь и требовать гласного суда над литераторами. Автором гражданского обращения был диссидент *Александр Есенин-Вольпин*, сын Сергея Есенина. Все эти события никак не укладывались в моей голове, где еще была вполне благодатная картина «самого передового строя с самым прогрессивным народом». В этот период отец стал более открытым, больше рассказывал о пережитом, о реабилитации репрессированных людей, о реформах Хрущева, говоря при этом: *«Все равно у него ничего не выйдет. Экономика социализма не может работать без принуждения, в ней нет внутренней пружины для развития»*. Папа оказался прав. Шестидесятые годы мне запомнились публикацией стихов С. Есенина, О. Мандельштама, А. Ахматовой, Е. Евтушенко и М. Цветаевой, рассказов И. Бабеля и М.

²⁸ Брен Михаил Аронович заведовал отделом в обкоме КПСС ЕАО, с 1984 года был заведующим отделом социального обеспечения облисполкома. После ухода на пенсию в 1988 году он работал помощником председателя облисполкома, а с 1998 года – исполнительным директором Фонда социальной поддержки населения ЕАО. Вслед за детьми уехал в Израиль, где и скончался после тяжелой болезни.

Зощенко, романа Д. Гранина «Иду на грозу» и других книг. Полюбившиеся стихи я стал записывать в тетрадку. Другим «маркером» времени стали записи песен А. Галича, Б. Окуджавы, В. Высоцкого, Ю. Кима и других бардов.

Однако в эти годы ключевыми словами в моей жизни были «учеба», «самостоятельность» и «друзья». Я был еще слишком молод, и оттепель не оставила в моей памяти такой серьезный след, как у тех, кто причислял себя к «шестидесятникам» или к «детям XX съезда». Из магазинов исчез белый хлеб, подходило к концу правление Н. С. Хрущева. Он устраивал позорные разносы творческой интеллигенции и непристойно бранился. Власть закупала зерно, вместо того чтобы не дать своим гражданам умирать от голода. Бывало, я стоял в очереди за хлебом. Когда 14 октября 1964 года Н. С. Хрущева сняли с работы, он заметил, что возможность сместить лидера без крови и есть главное достижение его жизни. *«Единственное, что он сделал хорошего, – освободил и реабилитировал сотни тысяч политзаключенных»*, – сказал отец. О теории коммунизма и ее реализации в стране я стал размышлять всерьез только пять лет спустя (см. «Инакомыслие»).

5. Альма-матер

*1965 год, Хабаровск, Дальний Восток,
24 года до подъема в Иерусалим*

«Альма-матер» – мать-кормилица²⁹

Лента новостей: 1965—1971 годы

5 июня 1967 г. Шестидневная война между Израилем и арабами.

20 августа 1968 г. Армия СССР вторгается в Чехословакию.

16 января 1969 г. Самосожжение Яна Палаха в Праге в знак протеста против советской оккупации.

15 июня 1970 г. В ленинградском аэропорту 12 евреев совершают попытку захвата пассажирского авиалайнера.

15 ноября 1971 г. Фирма Intel выпустила свой первый микропроцессор.

Хабаровский мединститут

Лето 1965 года. Колледж позади, все мои друзья, Галя Бекерман, Наташа Табакова, Мишка Семькин, Алла Конарева и другие, разъехались по домам и готовились начать новую жизнь. Все интенсивно переписывались, переживая расставание.

Я жил с родителями на станции Приамурская, в пригороде Хабаровска. Хотя у меня там появилась милая подружка, сердце мое было занято другой – Галиной. Родители работали в местной школе, а я подрабатывал фельдшером на станции «Скорой помощи». Мне нравилось оказывать экстренную помощь больным и видеть полезность полученных знаний. Ехать на работу по распределению не входило в мои планы. «Красный» диплом давал мне право сразу поступать в медицинский институт. При этом для зачисления надо было сдать на «отлично» один вступительный экзамен по выбору института.

Город Хабаровск назван в честь русского землепроходца XVII века Ерофея Хабарова. Основан в 1858 году генерал-губернатором Восточной Сибири Николаем Муравьевым. Население — около 600 тысяч человек. В 1929 году был открыт Хабаровский государственный медицинский институт (ХГМИ). В 1963 году был сдан в эксплуатацию главный корпус института. В нем разместились администрация и кафедры теоретического профиля. Через переход из этого корпуса можно было попасть в студенческое общежитие.

Я подал документы для поступления в ХГМИ, ныне – Дальневосточный государственный медицинский университет. Конкурс был не менее пяти абитуриентов на место. Все лето я готовился к экзаменам и, сдав химию на «отлично», был зачислен 7 августа 1965 года на лечебный факультет. Наташа Табакова и Алла Конарева тоже поступили на первый курс.

Я ощущал какой-то «голод»: хотелось учиться, научиться и открыть что-нибудь новое и удивительное. До сих пор помню то замечательное ощущение молодости, силы и желаний, что наполняли тело и душу неумеренной энергией.

²⁹ Альма-матер – старинное неформальное название университетов; означает учебное заведение, в котором человек получал или получает образование.

Впрочем, реальная жизнь быстро понизила уровень приподнятого настроения до «ватерлинии».

Первым делом институт послал нас, первокурсников, поработать в колхозе на уборке картофеля. После революции 1917 года страна не могла себя прокормить без участия... будущих врачей, инженеров, учителей, солдат и других групп населения в заготовке продовольствия. Работа в колхозе была нетрудной. Жили в бараках, было весело, все быстро перезнакомились. Месяц спустя, обеспечив страну пропитанием, мы, робея кто больше, а кто меньше, вошли в храм медицинской науки, чтобы через шесть лет принести присягу врача! Правда, о финише тогда никто еще не мечтал. Дорога к нему казалась долгой и трудной. Расписание первого семестра заполнило наши дни с 9 до 18 часов лекциями и семинарами, практическими и лабораторными занятиями. Приходилось зубрить анатомию: кости, мышцы, сосуды и все такое.

Первый профессор

Профессор Александр Васильевич Маслов (1906—1971) покорило мое воображение с первой же лекции по биологии. Александр Васильевич (А. В.) выглядел примерно 60-летним и очень подвижным мужчиной, среднего роста, худощавым и с очень красивыми и выразительными глазами. На лице красовалась великолепная борода, с которой он непрерывно «общался», поглаживая и теребя ее театральными движениями. Его обаяние покорило, а мимика и движения были удивительно гармоничными. Голос профессора заслуживает отдельного внимания: приятный баритон, его большая широта и модуляции вполне подходили для профессионального певца. Он и владел им профессионально, пел на лекциях, читал наизусть по-латыни большие фрагменты из поэмы Тита Лукреция Кара «О природе вещей»!

Недавно опубликована биография Александра Васильевича³⁰.

Александр Васильевич МАСЛОВ (1906—1971) родился в городе Орехово-Зуево Владимирской губернии в семье крупного торговца. Свободно владел немецким, французским и английским языками. Начиная с 1930 года А. В. работал ассистентом кафедры биологии, а затем доцентом. Он считался неблагонадежным и поэтому был вынужден уехать из Хабаровска. Когда он вернулся в 1945 году, его зачислили доцентом кафедры биологии, а через год утвердили заведующим. Однако комиссия парткома обнаружила отсутствие диплома о высшем образовании. А. В. поступил в Хабаровский педагогический институт в 1956 году и за четыре месяца сдал экстерном экзамены за весь курс химбиофака. В результате он получил диплом с отличием учителя биологии. В 1963 году А. В. успешно защитил докторскую диссертацию по комарам-кулизетам. Я держал в руках три тома диссертации, они весили 13 кг! Всего А. В. опубликовал около 120 научных работ, посвященных биологии кровососущих насекомых и клещей, изысканию новых средств и способов борьбы с переносчиками природно-очаговых инфекций и защиты от них людей, борьбе с дальневосточными гельминтозами и т. д.

Многие его студенты могли бы дополнить это издание своими впечатлениями об учителе «от Б-га». Например, когда я поставил несколько фотографий профессора А. В. Маслова в «Одноклассниках», то получил очень много восторженных и интересных откликов о нем! А фотографий у меня – целый альбом, его альбом!

Талант и интеллигентность любимца студентов проявлялись во всем: он музицировал, великолепно исполнял романсы, писал картины, принимал участие в работе драматического кружка, был активным участником студенческих вечеров. У А. В. был ярко выраженный талант лектора, ни одна прочитанная им лекция не заканчивалась без бурных аплодисментов. Это был

³⁰ Маслов Александр Васильевич / сост. Т. А. Бойко, П. С. Посохов. Хабаровск: ДВГМУ, 2013. 151 с.

не только ученый, но и замечательный человек, которого отличали безукоризненная порядочность и большая внутренняя культура. И откуда я все это знаю? Я был его воспитанником, искренне любил и гордился отеческим отношением А. В. ко мне. Это проявлялось в наших многочисленных беседах, консультациях, в работе над докладами, а дверь его удивительного кабинета-музея с коллекцией порядка 10 тысяч бабочек всегда была для меня открыта. А. В. дал мне ключ и разрешил работать в его кабинете в любое время, так как там находился самый сильный в то время микроскоп, нужный мне для исследования телец Барра (см. ниже). Так продолжалось почти шесть лет.

В марте 1971 года А. В. был госпитализирован в 301-й госпиталь. Я навещал его, последний раз – за день до его кончины. В последний визит он подарил мне фотоальбом биологического кружка со дня его организации. Это было так трогательно, что я, выйдя из палаты, не смог сдержать слез. Альбом хранится в моем архиве. В нем я нашел записку Александра Васильевича обо мне, опубликованную в институтской газете. Он стал моим первым учителем в науке, хотя моей фамилии и нет в списке его диссертантов. По его примеру дверь моего рабочего кабинета всегда открыта для сотрудников отделения, пациентов и студентов.

Профессор А. В. Маслов скончался 3 апреля 1971 года.

Светлая ему память!

Базисные науки

Первые три года мы изучали (буквально «грызли») базисные науки, такие как анатомия, физиология, физика, восемь разных химий, топографическая анатомия, микробиология, фармакология, патофизиология и другие. Надо было выучить содержание многих толстых учебников и сдать зачеты по отдельным темам, а потом еще и две сессии в год, по 4—5 экзаменов в каждой. К этому надо добавить латинский и английский языки, «марксизм-ленинизм». Впрочем, ничего нового: учиться «на врача» трудно во всех странах и во все времена.

Другим моим любимцем, как и большинства студентов, был профессор *Виталий Давидович Линденбратен* (1925—2009), заведующий кафедрой патофизиологии. Виталий Давидович – потомственный профессор: его отец был профессором, брат – профессором. Всего в их династии насчитывается 14 врачей (из них пять докторов медицинских наук). Он был чрезвычайно умным человеком. Это проявлялось во всем: лектор «от Б-га», прекрасный методист и обаятельный человек. Среднего роста, без лишней жировой ткани, уравновешенный по характеру, он обладал богатой мимикой. В. Д. удивительно тонко чувствовал как собеседника, так и целую аудиторию. Он изучал травматический шок, лихорадку, перегревание, реактивность и устойчивость организма. В. Д. Линденбратен – автор многих статей, монографий и пяти сборников стихов.

Его кафедра располагалась на третьем этаже, рядом с Центральной научно-исследовательской лабораторией (ЦНИЛ), где я работал лаборантом по вечерам. Профессор хорошо играл в настольный теннис. Когда случались перерывы в ходе экспериментов, мы играли в теннис и беседовали обо всем. Это был не только теннис, но и «игра» нервов, идей, мнений и остроумия. Обыграть В. Д. было большим достижением, я выходил победителем весьма редко. Нервы В. Д. были просто «железными», поэтому в критические моменты игры он допускал меньше ошибок, чем я. После окончания института, когда мне надо было пройти апробацию диссертации, Виталий Давидович организовал обсуждение работы недавнего студента на научном межкафедральном семинаре и тем самым помог мне открыть «скрипучую дверь» в науку. Мне, как и многим другим, повезло встретить и общаться с этим удивительным человеком! *Виталий Давидович был первым, кто поставил свою подпись на моей «Присяге врача».*

Однажды в перерыве между лекциями другой очень уважаемый мной профессор рассказал мне простую притчу: *«Жила была машина-полторка. Нагрузили на нее полторы тонны груза – она везет; добавили еще полтонны – везет, добавили еще тонну – машина стала и сломалась. Ее взяли и выбросили... Смотрите, Миша, – добавил, ухмыляясь, профессор, – как бы не оказаться вам такой полторкой!»* В тот период я был председателем научного студенческого общества института, секретарем комитета ВЛКСМ курса и старостой генетического кружка. Я крепко запомнил эту бесхитростную историю.

Этим профессором был *Николай Константинович Фруентов* (1928—2010). Его отец был репрессирован, а семья выслана. Профессор, фронтовик, снайпер, лейтенант запаса, кавалер двух орденов Отечественной войны, трех орденов Красной Звезды и множества медалей. Курсант Ленинградской военно-морской медицинской академии Николай Фруентов раздобыл настойку женьшеня и начал проводить опыты в студенческом кружке. Чтобы начать исследование, он купил на свои деньги 12 кроликов и в свободное от службы время стал проводить опыты. В 1968 году в Хабаровске вышла в свет знаменитая книга Фруентова *«Дикорастущие лекарственные растения Дальнего Востока»*, а спустя четыре года – *«Ядовитые растения, медицинская токсикология растений Дальнего Востока»*. *Я горжусь подписью Николая Константиновича на моей «Присяге врача».*

С профессором *Елизаветой Георгиевной Ливкиной* (1906—1985), заведующей кафедрой микробиологии, был связан следующий эпизод в моей студенческой жизни. Микробиологию («микробу») преподавали на третьем курсе. Эта наука располагает точными методами идентификации бактерий. Профессора Ливкину студенты шутя звали «макробабка», а доцента В. И. Середину, специалиста по вирусологии, – «микробабкой», так как они различались своими габаритами: Елизавета Георгиевна была крупной женщиной (в отличие от доцента В. И. Серединой). Она говорила и читала лекции не торопясь и очень обстоятельно. Незадолго до начала летней сессии деканат предложил студентам свободную запись на экзамены. Другими словами, каждый студент мог выбрать себе день для экзамена, вплоть до того, что можно было сдать все пять экзаменов в один день. В один из дней летней сессии я успешно сдал патофизиологию и в приподнятом настроении шел по третьему этажу главного корпуса института. Возле кафедры микробиологии почти не было студентов, а лаборантка зазывала желающих сдать «микробу» у профессора Ливкиной. На экзамен по микробиологии я записался на следующей неделе, хотя успел прочитать всю микробиологию, кроме вирусов. Я не помню, что именно двигало мной в тот момент. Видимо, надеясь, что «макробабка» специалист по микробам, а не по вирусам, я импульсивно принял решение и вошел в ее кабинет. Там мне были искренне рады. На столе лежали предметные стекла с разными микробиологическими объектами. Студент должен выбрать предметное стекло, посмотреть, что там зафиксировано под микроскопом и показать экзаменатору. Я так и сделал: взял предметное стекло со стола, прочитал вслух его название «полиомиелит» и, обескураженный, спросил:

– Елизавета Георгиевна, вы хотите услышать про заболевание полиомиелитом или про вакцину?

– Расскажите, Миша, пожалуйста, про биологию вируса полиомиелита, – сказала она, растягивая слова. – У вас есть время подготовиться. – Она показала мне на свободный стол со стулом.

В кабинете никого больше не было. Быстро сообразив, что вряд ли я получу хорошую оценку по этому вирусу, я стал что-то мямлить про то, что это не мой день, что я не успел подготовиться и что-то еще... пока не увидел, что профессор, улыбаясь, протягивает мне зачетку. Выскочив из кабинета как ужаленный, я посмотрел зачетку – никакой оценки по «микробе» там не было. Мне было очень стыдно! Через несколько дней я сдал этот экзамен на «отлично» доценту В. И. Середине. Три года спустя, накануне выпускного вечера, редакция институтской газеты попросила меня написать что-нибудь интересное из студенческой жизни. Я вспом-

нил и подробно описал историю, как я «завалил» микробиологию. На выпускном вечере профессор Е. Г. Ливкина с газетой в руке нашла меня, и мы вместе посмеялись над тем, что было. У меня был повод извиниться перед ней, а она, в свою очередь, заметила, что экзамен – это еще не сама жизнь и что мои экзамены только начинаются. Я и не предполагал, как она была права! *Елизавета Георгиевна охотно завершила мою «Присягу врача» своей подписью.*

Генетический кружок

Знакомство с методами и методологией науки начиналось в кружках научного студенческого общества. Особенной популярностью пользовались у студентов научные кружки на кафедре биологии под руководством профессора А. В. Маслова и на кафедре патологической физиологии под руководством профессора В. Д. Линденбратена. Активно занимались со студентами профессор Н. К. Фруентов, А. К. Пиотрович, Г. Л. Александрович, Л. И. Геллер, Г. С. Постол и В. М. Кантер. Результаты научных исследований студенты докладывали на ежегодных научных конференциях, лучшие из них публиковались в журналах и сборниках.

Студенческий научный кружок на кафедре биологии работал с 1930 года. К сбору и обработке материала профессор А. В. Маслов активно привлекал студентов, часть из которых позднее стали кандидатами наук, докторами и профессорами. Я был последним старостой «масловского кружка», который из биологического трансформировался в генетический. А пришел я туда после «рокового» разговора с моим отцом о генетике, состоявшегося незадолго до моего поступления в ХГМИ.

– А слышал ли ты что-нибудь о такой науке, как генетика, отличник? – спросил меня отец в своей ироничной манере, имея в виду мой «красный» диплом.

– Естественно, есть такая лженаука, и мы изучали по биологии – «менделизм, морганизм и вейсманизм». Все они «продажные девки империализма», – бодро ответил я, не ожидая какого-либо подвоха.

– Ты серьезно заблуждаешься, сынок! Как ты вообще можешь такое утверждать, не познакомившись с работами Грегора Менделя и Томаса Морганна? Может быть, тебе рассказали о законах генетики твои учителя?

– В общем-то, нет, не рассказывали! А ты что, «менделист-морганист», папа? – спросил я, пытаюсь перейти от обороны к нападению.

– Зря ты так, сынок. Менделисты и морганисты, вслед за профессором Вейсманом, утверждают, что в хромосомах существует наследственное вещество (гены), которое и передается от родителей к детям. У тебя тоже есть мои и мамины гены.

– Так ведь их никто не видел и это не доказано, – не сдавался я, вспомнив уроки по мичуринской биологии в колледже.

Вот тогда-то я впервые услышал от отца про опыты Августа Вейсмана, немецкого биолога, который еще в 1885 году пытался проверить, могут ли наследоваться приобретенные родителями увечья. Наиболее известны его опыты по отрубанию хвостов у только что родившихся крысят. Отрубание хвостов никогда не приводило к появлению бесхвостого потомства. Хорошо известно, что иудейская традиция обрезания крайней плоти ни разу не привела к рождению мальчика без крайней плоти.

– Выходит, ты еще и «вейсманист», папуля? – не унимался я, не осознавая всей глубины своего воинствующего невежества, хотя главный мичуринский биолог страны Т. Д. Лысенко мог бы мной гордиться.

– Ладно, иди готовься к вступительным экзаменам в институт. Если тебя примут, то я надеюсь, что у тебя хватит ума с этим разобраться и извиниться за те глупости, которые ты тут говорил.

– Посмотрим, будет ли за что извиняться, – упирался я, держась за свое.

Эта беседа запала мне в душу. После первой же лекции по биологии я перехватил Александра Васильевича у выхода из лекционного зала и задал главный вопрос своей жизни в тот период:

– А что такое ген и какова его природа?

– Приходите на кафедру, молодой человек по имени...

– Миша, – помог я ему.

– Так вот, Миша, спросите там Ольгу Вадимовну Лисиченко и узнайте, когда очередное заседание биологического кружка.

Я был разочарован итогом нашей беседы, и следующей «жертвой» главного вопроса моей жизни («Что такое ген и какова его природа?») стала та самая ассистентка кафедры биологии. Ольга Вадимовна выглядела симпатичной и молодой женщиной среднего роста, лет так тридцати, с внимательными, теплыми глазами и приятным голосом. Не отвечая прямо на мой вопрос, она спросила меня что-то о законах Менделя и хромосомах. Помнится, что я отмахнулся от этих неинтересных мне вопросов и вновь напомнил «мой вопрос». Мне это не помогло. Ольга Вадимовна сообщила мне дату заседания кружка и что надо почитать к нему. Делать было нечего. Так я стал посещать этот кружок, читать о генетике все, что было тогда на русском языке (а было очень немного), так как эта наука была на начальной стадии реабилитации после ее разгрома в 1948 году.

Печальная история разгрома генетики в Стране Советов хорошо известна, поэтому нет необходимости ее здесь излагать. Очень коротко. Боевая операция по разгрому генетики на сессии ВАСХНИЛ в августе 1948 года, которую проводил Т. Д. Лысенко, была одобрена Сталиным. Были закрыты лаборатории, уволены и репрессированы многие ученые. Из библиотек изымались и уничтожались по спискам биологические книги, основанные на менделевской генетике. Господство Лысенко в биологии продолжалось до конца 1964 года, то есть до снятия Н. С. Хрущева. Возобновилось преподавание генетики в средней школе и в вузах, но учебников практически не было. Истории господства Лысенко посвящены многие книги³¹.

Пытаясь утолить мой голод в генетике и желание что-нибудь исследовать, Ольга Вадимовна дала мне прочитать статью, опубликованную в журнале *Nature* про «половой хроматин», обнаруженный в нейронах кошек. Половой хроматин – это окрашивающееся тельце (Барра), которое обнаруживается при микроскопии не делящейся в данный момент клетки. Он представляет собой спирализованную X-хромосому. Исследование полового хроматина можно проводить при подозрении на заболевания, связанные с изменением количества X-хромосом (синдромы Клайнфельтера, Шерешевского – Тернера и т. п.). Для исследования используют клетки эпителия ротовой полости, получаемые из соскоба с внутренней поверхности щеки (буккальный тест). Этот тест был использован по предложению Ольги Вадимовны для исследования 130 школьников соседней школы. Анализируя данные слепым методом, мы (я и студентка нашего курса Дергачева) убедились, что наличие полового хроматина в буккальном тесте является маркером женского пола. Наши результаты были представлены на XX научной студенческой конференции института (22—23 апреля 1966 года, Хабаровск).

Первая презентация

Профессор А. В. Маслов учил меня не только биологии и генетике, но и основам статистической обработки данных, а также как подготовить и сделать научное сообщение. Например, он требовал не читать, а только говорить текст доклада. Повторно прослушивая мою первую презентацию у себя в кабинете, он добивался ясности, последовательности и аргумен-

³¹ Сойфер В. Н. Власть и наука. История разгрома генетики в СССР. М.: Лазурь, 1993. 706 с. Шноль С. Э. Герои, злодеи, конформисты российской науки. М.: Крон-пресс, 2001. 374 с.

тированности изложения. Учителем А. В. был требовательным, а его «планка» – высокой. Мне было всего 18 лет, и я страшился делать доклад на институтской конференции. «Мишенька, – повторял учитель, – в большом конференц-зале никто не знает предмет сообщения так, как ты, ни студенты, ни профессора, ни даже я. Расскажи нам всем, как и что ты сделал и про то новое, что узнал». Это успокаивало и вселяло некоторую уверенность. Спустя много лет я говорил те же слова своим ученикам!

Конференц-зал на 500 мест был полон студентов, ассистентов, доцентов и профессоров. Начало доклада далось мне с трудом: голос противно дрожал, руки были влажными, уши «горели», сердце «колотилось» так, что, мне казалось, его слышат все. Такое состояние продолжалось первые минуты, пока не выключили свет для демонстрации слайдов. С этого момента что-то во мне стало на свое место: я успокоился, очевидно, сработал «алгоритм Маслова». Презентацию я закончил уверенно, не читая, апеллируя к таблицам и графикам там, где это было нужно. После выводов я услышал аплодисменты. Уроки профессора давали свои плоды. Были и другие последствия. Например, благодаря сообщению по возрождающейся генетике я заработал немалую популярность среди студентов и первых недоброжелателей. Меня избрали старостой генетического кружка, им я оставался до окончания института.

Перед отцом я извинился и был прощен за свое невежество.

После конференции я стал счастливым обладателем двух замечательных книг по генетике:

- *К. Штерн. Основы генетики человека. М.: Медицина, 1965.* Ее мне подарил и подписал А. В. Маслов. Радости не было предела.
- *В. П. Эфроимсон. Введение в медицинскую генетику. М.: Медицина, 1965.* Эту книгу мне удалось купить. Я выучил ее почти наизусть!

Ольга Вадимовна

К моему сожалению, через год Ольга Вадимовна Лисиченко уехала в Новосибирск. Она занималась изучением синдрома Марфана, защитила кандидатскую диссертацию, стала доцентом кафедры генетики и главным медицинским генетиком Новосибирской области. Мы переписывались еще пару лет. Ольга Вадимовна живо интересовалась кружком, всеми нами и давала мне немало полезных советов. Я безмерно благодарен Ольге Вадимовне за столь серьезное ко мне отношение, терпение и помощь не только в поиске ответа на главный вопрос моей жизни («А что такое ген и какова его природа?»). Похоже, что она интуитивно или как-то иначе увидела во мне «исследователя», научила меня некоторым методикам и вселила уверенность в себя и в этот путь. Я благодарен Судьбе за знакомство с Ольгой Вадимовной!

Студенческая лаборатория

Студенческий кружок через пару лет походил уже на научную лабораторию. В моем архиве сохранился план работы кружка на 1969—1970 учебный год. Мы проводили реальные исследования, делали доклады на конференциях, публиковали научные статьи в журналах и сборниках, проводили совместные заседания с другими кружками, учились статистическим методам обработки данных. Вот несколько примеров:

1967 *Дерматоглифические исследования воспитанников трудовой колонии несовершеннолетних.* Студ. III курса М. Рицнер // XXII научная студенческая конференция.

1969 *Пальцевая и ладонная дерматоглифика у олигофренов степени дебильности*. Студ. III курса Н. Костина, студ. II курса Е. Гладенко, Н. Ковалева, Е. Базилевская, студ. IV курса М. Рицнер // XXVI научная студенческая конференция.

1968 *К вопросу об этиологии олигофрении*. Студ. IV курса М. Рицнер, Л. Свечкова, студ. III курса Е. Базилевская, О. Константинова, Н. Костина, Т. Мечетнер, студ. II курса Н. Ковалева, Е. Гладенко, Е. Малаханова, Б. Толчинский, Ю. Кочкин, В. Атласов, Т. Старостина // XXIII научная студенческая конференция.

1970 *К оценке активности тирозинаминотрансферазы и триптофанпирролазы при олигофрении*. Студ. V курса М. Рицнер // I Дальневосточная научная студенческая конференция «Экспериментальная и клиническая ферментология».

Профессор Маслов руководил мной, а я кружком. Этот опыт мне пригодился при создании своей научной лаборатории в академическом институте.

Природа преступности

Во время каникул летом 1966 года я работал фельдшером скорой помощи в Биробиджане. Последнее время меня интересовала возможная роль генетики в криминальном поведении подростков. Поводом послужила теория так называемого «прирожденного преступника» Чезаре Ломброзо, согласно которой преступниками не становятся, а рождаются.

Чезаре ЛОМБРОЗО (1835—1909) – итальянский тюремный врач-психиатр, родоначальник антропологического направления в криминологии и уголовном праве. Он одним из первых предпринял систематическое исследование преступников. Он объявил преступление естественным явлением, подобным рождению или смерти («Преступный человек», 1876). В конце XIX века на международных конгрессах по уголовной антропологии теория антропологической преступности была признана в целом ошибочной, но интерес к роли генетических и конституциональных факторов сохраняется до сих пор.

Когда я рассказал о желании изучить этот вопрос биробиджанскому невропатологу Илье Абрамовичу Шехтеру, то получил поддержку и помощь. Он договорился с начальником местной трудовой колонии для осужденных подростков в Биробиджане, куда мы получили допуск для исследования. Илья Абрамович Шехтер был лет на пятнадцать старше меня, выше среднего роста, худой, страдал язвой желудка. Он обладал выразительным лицом, картавил и умел «иметь дело с людьми». Его карьера пролегла через невропатию и должность заведующего городским отделом здравоохранения к должности главного врача областной больницы. Несмотря на нашу разницу в возрасте, он спокойно принял мое «научное руководство» и, обладая административными ресурсами и связями, использовал их для продвижения наших проектов.

Я набросал проект, и мы начали обследовать 14—16-летних воспитанников трудовой колонии, где было более 500 подростков. На каждого подростка заполнялась подробная социально-психологическая анкета и брались отпечатки пальцев и ладоней для изучения дерматоглифики. Анализ результатов этой анкеты показал «особый профиль» молодых преступников. Слабоумных и душевнобольных среди них не было. Были либо «лидеры», либо «ведомые» в пропорции примерно 1:15. Попав впервые в колонию, они там «обучались» новой профессии, и после «выписки» домой около 25% возвращались в колонию в течение года. Вот такая «регоспитализация». Когда эта и другая информация дошла до компетентных органов, нас пригласили в прокуратуру. Внимательно выслушав результаты, подчеркнуто вежливо попросили принести все материалы и научный отчет. Пару месяцев спустя нас пригласили еще раз, поблагодарили за работу и запретили публиковать результаты и выводы. Начальника коло-

нии, позволившего нам собрать данные, перевели с понижением на другую работу. Как оказалось, наше исследование было идеологически вредным, так как не соответствовало коммунистической идеологии. В тот период в советской печати даже самые осторожные попытки указать на то, что генетика, биология и личность играют какую-то роль в антисоциальном поведении, вызывали решительные окрики властей: «Биология тут ни при чем». Например, в публикации «Коэффициент интеллектуальности»³² талантливый ученый *Михаил Д. Голубовский*, популярно освещая «метод близнецов», привел опубликованные за рубежом данные о высокой повторяемости у однояйцевых близнецов таких качеств, как музыкальные способности, склонности к абстрактному мышлению и к криминальным действиям. Два доктора юридических наук, И. И. Карпец и А. А. Гершензон, негодовали по этому поводу, так как это противоречило программе партии, где было сказано, что преступности при коммунизме не будет. Следовательно, генетической предрасположенности к ней нет и быть не может, писали они в заметке «Биология здесь ни при чем». Программа КПСС не у всех вызывала доверие, да и Н. С. Хрущев уже был не при делах. Однако М. Д. Голубовского обвинили в ревизии основных положений марксизма-ленинизма. Данная публикация специально обсуждалась на заседании ученого совета Института цитологии и генетики СО АН СССР, где работал М. Д. Голубовский (17 февраля 1967 года). Надо сказать, что сотрудники подвергли критике публикацию юристов и поддержали Голубовского. Позднее юрист И. И. Карпец опубликовал в соавторстве с генетиком Н. П. Дубининым и В. Н. Кудрявцевым книгу «Генетика, поведение, ответственность» (1982), в которой широкое распространение преступности в СССР объяснялось тем, что в стране *еще не закончено построение коммунистического общества*. Вот такими были уровень науки и «советская среда обитания».

Бумага и люди стерпели, Страны Советов давно нет, а Михаил Голубовский стал известным ученым в области общей, популяционной и эволюционной генетики, ныне работает в Berkeley University (Калифорния, США)³³. К этому времени я уже почерпнул немало базисных знаний по генетике человека и «блефу марксизма-ленинизма». Изменив название выборки с «молодых преступников» на «группу русских подростков», мы с Ильей Шехтером опубликовали только дерматоглифические данные, без их интерпретации. Статьи вышли в журнале Института антропологии Московского государственного университета (МГУ, Москва). Здесь работала Татьяна Дмитриевна Гладкова – замечательная женщина и ученый, с которой я переписывался по вопросам дерматоглифики много лет. Однако вернемся в альма-матер.

Клинические науки

Четвертый и последующие курсы (1968—1971) были заполнены клиническими дисциплинами на факультетских и госпитальных кафедрах. Занятия проходили в разных клиниках города. Мы учились разговаривать и обследовать больных, писать истории болезни, врачебному мышлению и этике, ассистировать на операциях и многому другому. Мне особенно запомнились терапевты – доцент Илья Зиновьевич Баткин (впоследствии д. м. н., проф.), проф. Борис Залманович Сиротин (1928—...) и проф. Лев Исаакович Геллер (1930—1994), гинеколог – проф. Василий Федорович Григорьев (1921—2007), хирурги – проф. Серафим Карпович Нечпаев (1905—1971), проф. Игорь Анатольевич Флеровский (1921—1998) и проф. Григорий Леонтьевич Александрович (1915—2000) и уролог – проф. Алексей Михайлович Войно-Ясенецкий (1935).

И. З. Баткин великолепно показывал методику осмотра больного, Б. З. Сиротин учил нас клиническому мышлению, а Л. И. Геллер ко всему прочему был очень продуктивным иссле-

³² «Радиотелевидение», 1966, №27.

³³ Голубовский М. Д. www.vestnik.com/issues/2000/0201/win/golubovsk.htm

дователем. Разбирая любой клинический случай, он фонтанировал идеями для исследования. Многие из его идей были реализованы и опубликованы. Мне было у кого учиться и с кого брать пример. Ментальность хирургов была иной: они говорили меньше, имели более жесткие критерии принятия решений, да и решения были связаны с оперативными вмешательствами. Учить и сдавать хирургию было легче. Однажды на кафедре психиатрии мне довелось познакомиться с легендарной личностью – профессором Иваном Борисовичем Галантом (1893—1978). Его история была особенной.

Профессор Галант был живой легендой. Ивану Борисовичу, как еврею, из-за процентной нормы трудно было поступить в какой-либо из университетов Российской Империи, и поэтому он уехал в Германию. Свободно владея немецким, французским и итальянским, Галант поступил в Берлинский университет (1912). Свою научную деятельность он начал еще в студенческие годы в психиатрической клинике профессора Е. Блейлера (Цюрих). В 1935 году И. Б. Галанта направили в Хабаровск на должность главного врача психиатрической больницы и для создания кафедры психиатрии в ХГМИ. В 1937 году профессора по доносу арестовали и обвинили в том, что он «допустил халатность» при подборе больных для лекционных демонстраций. В результате один больной рассказал во время демонстрации контрреволюционный анекдот. Через два года его освободили и реабилитировали. И. Б. Галант как-то не вписывался в советскую действительность. Например, он на основе анализа последних произведений Сергея Есенина и газетных публикаций о самоубийстве поэта сделал вывод, что это был душевнобольной человек. По его мнению, поэма «Черный человек» дает «ясную типичную картину алкогольного психоза», которым страдал Есенин. В 1948 году комиссию парткома смутили статья профессора «Кретинизм в марксизме» и переписка И. Б. Галанта с Максимом Горьким, отраженная в монографии «Психозы в творчестве Максима Горького». Кто его только не критиковал за это! Более 30 лет И. Б. Галант руководил кафедрой психиатрии. Будучи пенсионером, он продолжал будоражить народ, участвуя в заседаниях психиатрического общества и являясь непререкаемым авторитетом в консультировании.

Иван Борисович был невысоким, очень подвижным и эксцентричным человеком. Он мог удивить окружающих каким-нибудь неординарным поступком, казаться странным и нередко даже нелепо-смешным. Профессор ходил по клинике как-то боком, прижимая правой рукой старый затертый портфель с одним замком. На приветствия тщательно раскланивался. Однако, несмотря на все странности, это был человек высокой культуры, очень приветливый, доброжелательный и справедливый. Он никогда не повышал голоса и, будучи в жизни немногословным, мог вести длительные беседы с больными, вызывая их на откровенность. «Вы не сможете так освоить психиатрию, как Бехтерев, но вам следует обязательно соблюдать все правила медицинской деонтологии, то есть этики», – говорил он студентам и врачам.

Государственные экзамены – 1971 год

Учеба мне давалась легко, все экзамены сдавались в срок. Последний год, шестой курс, я интенсивно работал над кандидатской диссертацией под руководством Натальи Григорьевной Концевой. Государственные экзамены заняли почти два месяца. На каждый из них надо было «прокачать» по 5—7 толстых книг. Сдал я их на «отлично». Диплом опять оказался «красным». Остаться в ординатуре или аспирантуре мне не удалось. Ректор был против. Распределили меня в распоряжение директора Биробиджанского медицинского училища, то есть в тот колледж, который я окончил шестью годами раньше. Круг замкнулся на последующие... десять лет.

Выпускной вечер длился до утра и завершился коллективным загулом и купанием в фонтане на площади Ленина, песнями и клятвами в вечной дружбе! Жертв не было. Теперь мы дипломированные врачи. Прощай, студенчество! В голове много книг, никакого опыта и юношеская решительность. Через несколько месяцев мне стукнет целых 24 года! «Где тут больные? На что жалуетесь?»

За кулисами

Так как экономика страны не могла существовать без принудительного труда, студенты институтов в августе-сентябре не учились, а работали в колхозах, совхозах, ловили и солили рыбу, косили траву, строили. Не участвовали в трудовой повинности только больные и очень «шустрые» – те, у кого были справки-освобождения. Остальные становились бесплатной рабочей силой. Я не относился ни к больным, ни к «шустрым» и поэтому отработывал «барщину», как все. Было немало и приятных моментов в таких коллективных переходах из привычной жизни к экстремальной.

В год поступления в институт нас «бросили» на уборку картофеля в село Пузино. Профессию картофелеводов мы освоили быстро. Собирали, грузили и перевозили народное добро из пункта «А» в пункт «Б», то есть с поля в хранилище. Хранилища были плохо оборудованы, и к концу зимы в них сгнивало до 70% картофеля. Но это была не наша забота. Жили мы в Пузино скромно, но весело.

В последующие годы наш рейтинг, очевидно, повысился, и нас стали «забрасывать» на путину. Путина – это время или сезон массовой миграции рыбы, в течение которого производится ее промышленный лов. Когда начиналась камчатская рыбная путина, лосось из моря шел в реки таким плотным и могучим валом, что в горловине реки воды было меньше, чем рыбы. На лососевой путине я был дважды в районе залива Счастья: на *острове Байдуков* (1967) и на *Петровской косе* (1968). В архиве сохранились письма и фотографии, освежившие мою память. Но сначала немного географии.

Залив Счастья расположен между Петровской косой, островом Чкалова и островом Байдукова у юго-западного берега Сахалинского залива Охотского моря. Размер залива – около 30 км в длину и 10 км в ширину. Причалив 29 июня 1850 года к берегу косы, Геннадий Невельской предложил назвать этот залив заливом Счастья. Он основал здесь поселение, названное им Петровским. На побережье расположены населенные пункты Байдуково, Петровская Коса, Власьев и Меньшиково. Остров Байдуков – небольшой остров при входе в Амурский лиман. Его площадь – 4 на 12 км. Близлежащий крупный город находится на материке – это Николаевск-на-Амуре. Петровская коса представляет собой длинный участок суши почти в 10 км длиной и шириной несколько сотен метров. Поселение Петровская Коса – это старый рыбацкий поселок, в котором постоянно проживают один человек и три собаки. Вот в таких местах мы жили и работали, по месяцу в каждом. На путину нас доставляли на пароходе. Однажды попали в шторм, веселились и страдали. Наш маршрут в 1968 году был следующим: Хабаровск – Николаевск-на-Амуре – село Власьево – Петровская коса.

Из моего письма от 21 августа 1968 года: «...когда мы добрались до с. Власьево, нас на лодках перевезли через пролив. Путешествие длилось примерно три часа. Погода на удивление хорошая. Сегодня мы целый день устраивались. Поселились в большой комнате (шесть человек). Спим на топчанах. Получили постель. Есть печка. Сегодня уже питались на кухне. Не в восторге от нее, но лучшего не будет... Прошлись сегодня по косе. На берегу, который омывается Охотским морем, я нашел много любопытных камней (штук 20) и вышлю их посылками. Останется память. Кроме того, здесь много ишишек. Ожидал я и лучшей организации дела здесь. Рыба идет, а у них не все еще в порядке. Только завтра или послезавтра рыбаки уйдут к о. Байдуков рыбачить...» (стиль сохранен).

Наша жизнь на путине зависела от успехов рыбаков, а они, в свою очередь, – от погоды и хода рыбы. Были дни и даже неделя, когда мы мучились от безделья. Когда же шла рыба, то работали по 16—18 часов в сутки. Меня распределили в «засольщики». Наша бригада состояла из шести человек. Технология работы была такой: мы получали потрошеную кету (лосось), наполняли ее солью и укладывали в огромный бетонный чан послойно (слой дробленого льда, соли и рыбы). Чан вмещал 20—30 тонн рыбы. Двое из нас набивали рыбу солью, двое – дробили лед (с помощью дробильной машины) и подавали рыбу и лед еще двоим, которые стояли в чане и послойно ее укладывали. В «рыбные дни» мы так обрабатывали примерно по 10 тонн рыбы на человека (то есть заполняли два чана)! Работа была тяжелой. Одеты мы были в резиновые сапоги, комбинезон (брюки и куртка) и матерчатые перчатки. Все быстро становилось мокрым и просоленным. Высохшие брюки можно было поставить «на ноги» – и они стояли. Руки через пару дней опухали и полностью уже не сгибались, маленькие ранки и царапины не заживали из-за соли. Второй этап в работе наступал через две-три недели, когда засоленную рыбу извлекали из чанов, мыли в лотках и закладывали в большие бочки, которые маркировались для отправки за границу. Мы же эту рыбу подвешивали на чердаке барака на неделю, она подсыхала, после чего посылками посылали домой. Она была жирной и малосоленной. Такой деликатес в магазинах материка купить было нельзя.

Чтобы так работать, надо было хорошо питаться. Кухня у нас была плохая: ежедневно каши и жареная рыба, а мясо привозили редко. Жареную рыбу можно было есть один-два раза, так как она быстро приедалась. Основным источником энергии для нас служила малосоленная икра. Тазик с такой икрой всегда стоял посредине барака. Готовилась она просто. Мы приносили свежую икру с засолки, помещали ее в марлю, погружали в соленую воду на пять минут и заполняли тазик. Булку хлеба разрезали вдоль на три-четыре куска, на которые намазывали 300—400 граммов икры и съедали, запивая водой или чаем. После такой закуски можно было работать 6—8 часов. Более сильно засоленную икру можно было привезти домой. По окончании путины мы с довольствием возвращались домой. Перед отъездом содержимое чемоданов выбрасывалось, они заполнялись соленой рыбой. Запах рыбы оставался в общежитии еще несколько месяцев, дополняя наш рацион калориями и полезными жирами. На путине бывали разные коллизии, ссоры, драки, возникала дружба, ну и любовь, естественно.

Личная жизнь

Первые три года я жил в студенческом общежитии рядом с главным корпусом института. Комната была на четверых. Моими товарищами по комнате были однокурсники: Толя Володченко (лечебный факультет), Сашка Сысоев (педиатрический факультет) и Коля Кузьменко (фармакологическое отделение). Мы подружились и, хотя были очень разными, жили вместе и, как говорится, не тужили. Тому способствовали и поездки на путину. Парни были честными и порядочными. Мы по очереди убирали комнату, днем питались в столовой, варили себе еду вечером, устраивали вечеринки. После женитьбы пришлось оставить общежитие.

Третий курс ознаменовался массовой женитьбой студентов в весенние месяцы. Эпидемия не обошла и меня. Моей настоящей подругой была Галя Бекерман, с которой мы вместе учились в колледже. Симпатия оказалась взаимной, и мы не потеряли друг друга. Галину распределили на работу в село Бейцуха Бикинского района. Однажды я побывал у нее там и видел, как ее высоко ценили жители деревни. Галина была красивой девушкой, с завидной фигуркой, эмоциональным характером и очень трудолюбивой. Как-то полшутя я сказал, что у нас не будет будущего, если она не окончит мединститут, то есть если мы оба не станем врачами. Она восприняла это серьезно и через год работы поступила на вечерний факультет нашего мединститута. Галя переехала в Хабаровск, работала медсестрой и училась. А с третьего года

обучения она перешла на очное обучение. Меня радовали ее успехи. Наши отношения перерастали просто дружбу. Свободное время мы часто проводили вместе.

В марте 1968 года, когда нам едва стукнуло по 20 лет, мы, вслед за другими однокурсниками, сыграли студенческую свадьбу в общежитии. Приходили все, кто хотел, и отрывались по полной программе. Свадьбу пришлось повторить для родственников. Отца на свадьбе не было, он был на курорте по путевке. Мы не смогли отложить свадьбу, что обидело папу. Я сожалею, что так получилось. Мы не отдавали себе отчета в том, что нас ждет и как мы устроим свою жизнь. Это было замечательное безумие молодости. Нам хотелось быть вместе, и мы были вместе... более 40 лет. Вот в этом нам определенно повезло.

После свадьбы я не мог жить в общежитии, и мы съехались на съемной квартире... первой, второй и т. д. Это была уже другая жизнь! Муж хозяйки первой квартиры был пьяница, он воровал у нас деньги. Мы переехали на другую квартиру. Потом еще и еще. Было непросто привыкать жить вместе, уступать друг другу. Я начал работать после учебы в лаборатории института (ЦНИЛ), а Галя работала медсестрой в больнице. Когда она забеременела и живот уже нельзя было скрыть, я стеснялся идти рядом с ней. Мне казалось, что все подозрительно смотрят на меня. Что было взять с 20-летнего парня. Но Галина очень гордилась своим животом! Через год после свадьбы, 20 января 1969 года, у нас появился малыш. Назвали его Эдиком – Эдуардом. Ощущения были замечательными и странными одновременно. Вскоре хозяйка квартиры, которую мы снимали, подралась с мужем и выселила нас из квартиры. Приехав однажды из института домой, я нашел наши чемоданы и другие вещи на лестничной клетке. Родственники помогли нам перебраться к моей сестре Софье (она жила в Хабаровске и училась в мединституте). Эдика мы увезли в Биробиджан, где он был на попечении Галиных родителей, пока мы не закончили институт. *Благословенна их память!*

Жизнь продолжалась. Мы учились, работали, а в конце недели ездили к своему ребенку, радовались его развитию и надеялись на лучшее в этой жизни. Он часто болел, температурил. Оба успешно сдали летнюю сессию. В августе я уехал на путину, на Петровскую косу, о чем читатель уже осведомлен. В итоге мы неплохо научились ладить друг с другом. Галина была надежным и понимающим другом, женой и матерью. Я продвигал разные проекты на работе. Она же освободила меня от многих бытовых проблем и забот. Несмотря на неизбежные трудности семейной жизни двух разных людей, у меня не было причин сожалеть о нашем браке в течение многих, очень многих лет совместной жизни. Да и сейчас не жалею об этом.

Главный корпус Хабаровского медицинского института

Оценка полового хроматина

Профессор А. В. Маслов в кабинете и на заседании генетического кружка (староста – Миша Рицнер), кафедра биологии

План работы биологического кружка на 1969-70 учебный год

Тема	Дата	Исполнители
Исследовательская работа		
1 Дерматосифка при олигофрении	с 1966 г.	Е. Гладико Н. Костина Б. Быстровский Н. Ковалева
2 Наследование признаков умственной отсталости		Е. Гладико Н. Костина Н. Ковалева Е. Базилевская
3 Геналогическое исследование умственной отсталости		Л. Свечкова
4 Частота групп крови при умственной отсталости		О. Константинова Б. Толчинский
5 Обмен ароматических аминокислот при умственной отсталости (руководитель – зав. ЦНИЛ И.Г. Концевая)	с 1968 г.	М. Рицнер
6 Экскреция свободных аминокислот с мочой при умственной отсталости	с 1969 г.	Е. Гладико
7 Влияние некоторых гормонов на частоту полового хроматина у крыс	с 1969 г.	О. Константинова
Реферативные доклады		
1 Генетика в гематологии	23.10.1969	Н. Кейзер
2 Болезнь Дауна (с каф. психиатрии)	20.11.1969	Е. Базилевская
3 Синдром Марфана (архизодактилия)	21.01.1970	Н. Костина
4 Гены и гормоны (с каф. патофизиологии)	19.02.1970	Л. Свечкова
5 Обмен ароматических аминокислот в норме и при патологии	22.03.1970	М. Рицнер С. Мельников
6 Генетика сахарного диабета		В. Быстровский
7 Семинар со студентами 1-ого курса	март	О. Константинова
8 Критерий Парсона	апрель	Проф. А.В. Маслов
9 Обзоры публикаций	май	Потеман
10 Оформить уголок и фотоальбом кружка	март	В. Быстровский

Ольга Вадимовна Лисиченко

План работы биологического кружка на 1969-70 учебный год

Профессор Николай
Константинович Френков

Профессор Виталий
Давидович Линденбротен

Заметка проф. А. В. Маслова в институтской газете

Студенты моей группы

Галина Бекерман и Михаил Рицнер (1968)

Галина семья. Слева направо, нижний ряд: Наум Дубов, мама - Мария Ильянична Бекерман, Эдик Рицнер, папа - Израил Исаакович Бекерман; Стоят: сестра - Софья Дубова (Бекерман), Ирина Дубова, Михаил Рицнер, Галина Рицнер (Бекерман)

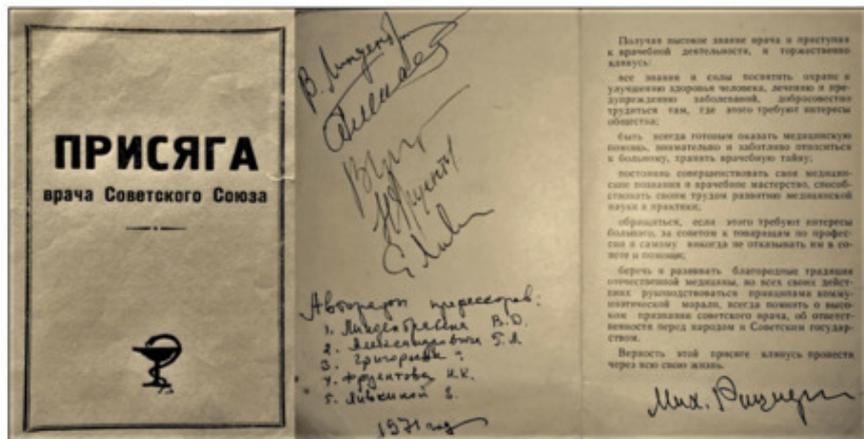
Любимая поза при подготовке к экзаменам

Рицнер М.С.

Во время пребывания в Хабаровском медицинском институте с 1965 года по 1971 год сдал экзамены и зачеты по следующим дисциплинам специальности:

1. Неорганическая и аналитическая химия	Отлично
2. История КПСС	Отлично
3. Иностранный язык	Зачет
4. Физика	Зачет
5. Анатомия человека (клеточная анатомия)	Отлично
6. История КПСС	Отлично
7. Физика	Отлично
8. Органическая химия	Отлично
9. Биология с общей генетикой	Отлично
10. Латинский язык	Зачет
11. Физическое воспитание	Зачет
12. Анатомия человека (сплошная анатомия и ЦНС)	Зачет
13. Иностранный язык	Зачет
14. Аналитическая химия (получивший анализ)	Зачет
15. Анатомия человека	Отлично
16. Гистология с эмбриологией и цитологией	Отлично
17. Политическая экономия социализма	Отлично
18. Физическая и холмовская химия	Зачет
19. Иностранный язык	Зачет
20. Физиология	Отлично
21. Биологическая химия	Отлично
22. Доводительский материал	Отлично
23. Политическая экономия социализма	Отлично
24. Иностранный язык	Отлично
25. Физическое воспитание	Зачет
26. Биофизика	Зачет
27. Исторический материал	Отлично
28. Микробиология с вирусологией и иммунологией	Отлично
29. Фармакология	Отлично
30. Патологическая анатомия	Отлично
31. Патологическая физиология	Отлично
32. Производства внутренних болезней	Отлично
33. Общая хирургия с анатомической	Отлично
34. Научный коммунизм	Зачет
35. Оперативная хирургия с топографической анатомией	Отлично
36. Научный коммунизм	Зачет
37. Рентгенология	Зачет
38. Гигиена	Отлично
39. Факультетская терапия	Отлично
40. Факультетская хирургия курсов урологии	Отлично
41. Акушерство	Зачет
42. История медицины	Зачет
43. Медицинская радиология	Зачет
44. Кожные и венерические болезни	Отлично
45. Социальная гигиена и организация здравоохранения	Отлично
46. Перинатальная медицина с медицинской генетикой	Отлично
47. Акушерство и гинекология	Отлично

Вкладыш в диплом

Н. А. Удинцев

Б.А.Целибеев

А.А.Константинов

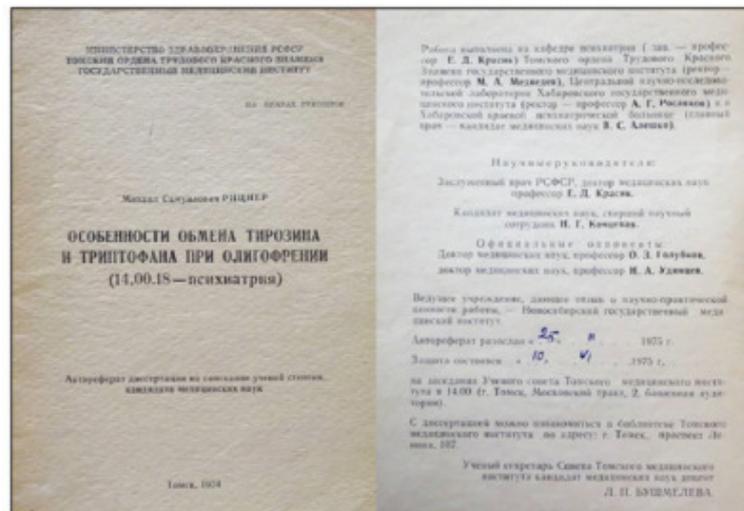
Аарон Рабинков

Профессор В.Б. Мивневич

Проф. Е.Д. Красник

6. Докторат

*1969 год, Хабаровск,
20 лет до подъема в Иерусалим*

*Ученым можешь ты не быть,
но кандидатом быть обязан.*

Научный фольклор

Лента событий: 1969—1975 годы

28 марта 1969 г. Антисоветская демонстрация в Праге.

3 ноября 1970 г. Сальвадор Альенде стал президентом Чили.

2 января 1971 г. Массированные налеты ВВС США в Южном Вьетнаме, Лаосе и Камбодже.

3 февраля 1972 г. В Саппоро открылись XI зимние Олимпийские игры.

4 октября 1974 г. Столкновение Ан-2 и Ан-12 над Иркутском.

Шестидесятые годы

Эти годы не были тихими и безоблачными. 1967 год: президент Египта отдает распоряжение закрыть залив Акаба для израильских судов, а это «казус белли»³⁴. Израиль одерживает драматическую победу над тремя арабскими странами за шесть дней и добивается контроля над Синайским полуостровом, сектором Газа, Голанскими высотами и Старым Иерусалимом (Шестидневная война). СССР заявил о разрыве дипломатических отношений с Израилем.

Тот же 1967 год – лучший год в рок-музыке: «Битлз» выпускают «Сержанта Пеппера», Джими Хендрикс дарит миру альбом *Are You Experienced?*, «Пинк Флойд» покоряют Америку. А в Советском Союзе женщины сходят с ума от американского красавчика с гитарой – Дина Рида, мужчины – от мини-юбок, молодежь – от ливерпульской четверки (The Beatles). Все танцуют твист и ходят в кино. Особенно популярны Наталья Варлей из «Кавказской пленницы» и Олег Стриженов, сыгравший робота в картине «Его звали Роберт».

Популярный анекдот:

Рабинович во время демонстрации 7 ноября идет по Красной площади:

– Пламенный привет! – кричит он в сторону трибуны с советскими вождями, проходя мимо Мавзолея.

– Неужели ты их так любишь? – интересуются у него.

– Да нет, конечно, – отвечает он, – но не могу же я вот так прямо взять и сказать: «Чтоб вы все сгорели!»

Мы, студенты, тоже ходили на демонстрации, что-то кричали, особо не задумываясь, слушали западную музыку и вражеские голоса, осваивали взрослую жизнь и учились «на врача»! Что касается меня, то я «заболел» наукой и страстью добывать новые знания. Не из учебников, а из опытов и исследований. Технологии научного исследования можно было научиться в ординатуре или аспирантуре после окончания института. Я постиг это раньше – в институте. В этом мне помогли опытные наставники.

³⁴ «Казус белли» (casus belli) – юридический термин, означающий повод для объявления войны.

Менторы-наставники

*Светлой памяти проф. А. В. Маслова,
доц. Н. Г. Концевой и проф. Е. Д. Красика*

За последние три года обучения в медицинском институте я выполнил самостоятельное исследование и вчерне написал кандидатскую диссертацию – PhD thesis, или докторат, как принято называть на Западе. Это стало возможным благодаря моим научным руководителям, а также стечению ряда печальных и благоприятных обстоятельств. Я с большой благодарностью вспоминаю моего учителя профессора А. В. Маслова, биохимика доцента Н. Г. Концевую и психиатра профессора Е. Д. Красика, которые щедро поделились идеями, знаниями, опытом, веря в мои способности. Их уже нет с нами. *Вечная им память!*

Кроме моих непосредственных наставников, три других человека, их идеи и труды оказали сильное влияние на мое научное мировоззрение.

Первый из них, профессор *Ипполит Васильевич Давыдовский* (1887—1968), писал: *«Знать – значит предвидеть, а предвидеть – значит управлять и контролировать, то сразу же бросается в глаза факт, насколько еще малы наши знания в области этиологии и теории важнейших заболеваний человека, чтобы предвидеть или предупредить...»* Прочитав его маленькую книгу «Проблемы причинности в медицине», я проникся этими проблемами на всю оставшуюся жизнь. Ипполит Васильевич заведовал кафедрой патологической анатомии 2-го Московского медицинского института.³⁵ *По Давыдовскому, сущность болезней заключается в универсальном биологическом законе приспособления.* Как и все физиологические процессы, болезнь является попыткой приспособления организма к окружающей среде. Эти попытки могут быть более или менее удачными, то есть существует множество «степеней приспособленности», начиная от здоровья (полное приспособление) и заканчивая смертью (неудавшееся приспособление). *Адаптивная природа или сущность болезней – лейтмотив его книги.* Несмотря на значительные успехи медицины в лечении болезней, настоящего понимания их биологической сущности пока нет. Круг этих проблем, сама причинность в медицине и ее генетическая компонента стали целью моих исследований при нервных и психических заболеваниях. Совершенно не случайно спустя много лет я инициировал международный проект, который завершился публикацией коллективной монографии³⁶.

Столь же сильное влияние оказал на меня Ганс Селье (Hans Selye).

Ганс СЕЛЬЕ (1907—1982) получил образование на медицинском факультете Пражского университета. Затем продолжил учебу в Риме и Париже. Он эмигрировал за океан, где возглавил институт экспериментальной медицины и хирургии (ныне – Международный институт стресса). Еще в Праге Селье обратил внимание на то, что первые проявления разнообразных инфекций совершенно одинаковы; различия появляются спустя несколько дней, а начальные симптомы одни и те же. Тогда же он стал разрабатывать свою гипотезу общего адаптационного синдрома, согласно которой болезнетворный фактор обладает пусковым действием, включающим механизмы адаптации.

Профессор Селье рассматривал физиологический стресс как ответ на любые предъявленные организму требования и считал, что с какой бы трудностью ни столкнулся организм, с ней можно справиться двумя типами реакций: активной, или борьбой, и пассивной, или бегством от трудностей или готовностью терпеть их. *Ганс Селье не считал стресс вредным, а рассмат-*

³⁵ К сожалению, Давыдовский был принципиальным антисемитом, даже в то время, когда антисемитизм не поощрялся. Фейгенберг И. М. Пути-дороги. http://www.bim-bad.ru/biblioteka/article_full.php?aid=2121&binn_rubrik_pl_articles=112

³⁶ Brain Protection in Schizophrenia, Mood and Cognitive Disorders. Ritsner, Michael S. (Ed.), Springer Science + Business Media, B.V. 2010. 663 p.

ривал его как реакцию, помогающую организму выжить. Нетрудно заметить концептуальную общность между «приспособительной сущностью болезней» по Давыдовскому и «общим адаптационным синдромом» Селье.

Последним моим ментором³⁷ был *Ирвинг Готтесман (Irving Gottesman)* – американский профессор психологии, один из основателей современной психиатрической генетики, внесший значительный вклад в доказательство наследственной природы шизофрении.

Ирвинг Изадор ГОТТЕСМАН (Irving Isadore Gottesman, 1930—2016) – профессор в Университете Вирджинии и Миннесотском университете. Большую часть карьеры он посвятил исследованию генетики шизофрении, став классиком в области психиатрической генетики. Ирвинг получил многие престижные премии, такие как Приз Hofheimer, высшая премия от американской Психиатрической ассоциации для психиатрического исследования, и другие.

В 1967 году Ирвинг впервые предложил полигенную модель заболевания, а в 2003-м – концепцию эндофенотипа³⁸. Он опубликовал полтора десятка книг и более 300 других публикаций, создал первую учебную программу по генетике поведения в Соединенных Штатах. Две его книги³⁹ я прочитал в оригинале и знал почти наизусть. Ирвинг был рецензентом и редактором моей первой статьи в журнале *Genetic epidemiology*. С тех пор мы переписывались, а впервые встретились на конгрессе в Канаде. Позднее мы опубликовали в соавторстве пару глав для серии монографий под моей редакцией⁴⁰.

Таким образом, изучение роли стресса и его динамики у больных людей вместе с оценкой влияния генетических факторов будет в фокусе моих исследований в последующие сорок лет работы в науке. Но до этого было еще очень далеко.

Строптивый студент

В 1967 году, когда я был студентом второго курса, мне поручили сделать доклад на студенческой конференции по философии на тему «*Будет ли принуждение личности при коммунизме?*». Такие задания получали и другие студенты, что входило в программу изучения философии. Я засел за книги, обзоры и статьи. Подготовился обстоятельно, но, как оказалось, «на свою голову». В докладе, рассмотрев понятия личности, свободы, принуждения и коммунистические воззрения на эту тему, я упомянул *биопсихосоциальную модель личности* и криминального поведения, известную в науке с 50-х годов. В заключение я сделал два вывода:

- Преступность невозможно искоренить полностью в любом обществе в силу биопсихосоциальной природы человека.
- Принуждение будет иметь место и в коммунистическом обществе, в котором сохранятся аппараты принуждения, такие как милиция, суды, тюрьмы и места заключения.

Сделав эти очевидные «открытия», я на полном серьезе был доволен своим вкладом в развитие философии коммунизма. Однако теоретический коммунизм мне уже не казался таким раем на земле. Лекционный зал был заполнен студентами и преподавателями. После нескольких докладчиков я бодро изложил основные положения своей работы и в заключение поблагодарил всех за внимание. В зале наступила «мертвая» тишина – мне не аплодировали,

³⁷ Ментор – это советник или наставник, который готов делиться своими знаниями с подопечным.

³⁸ Gottesman II, Gould TD. The endophenotype concept in psychiatry: etymology and strategic intentions». *Am J Psychiatry* 2003; 160 (4): 636—45.

³⁹ Schizophrenia and Genetics: A Twin Study Vantage Point; Schizophrenia: The Epigenetic Puzzle.

⁴⁰ The Handbook of Neuropsychiatric Biomarkers, Endophenotypes, and Genes. Volumes I—IV. Ritsner, Michael S. (Ed.), Springer Science+Business Media, B.V., 2009. Handbook of Schizophrenia Spectrum Disorders. Volumes I—III. Ritsner, Michael S. (Ed.), Springer Science + Business Media, B.V. 2011.

как другим докладчикам. Более того, председательствующая на заседании доцент кафедры философии в своем заключении отметила все сообщения, не упомянув мое. Как будто его и не было. Все равно я был доволен тем, что избавился от задания по философии без каких-либо идеологических разборок. Конечно же, я ошибался. Разборок не было, но «ответный удар» последовал позже. Агитпроп института ничего не забывает, но об этом чуть позже.

В тот период меня заинтересовал вопрос: «Могла ли марксистско-ленинская философия предотвратить разгром генетики в СССР?» С середины 60-х годов в стране стала возрождаться генетика⁴¹, и, будучи студентом третьего курса, я написал небольшой реферат для конкурса студенческих работ на тему «*О некоторых философских аспектах теории гена*». Изучая литературу, я был потрясен тем, как лихо использовалась коммунистическая философия в отрицании генетики. Было ощущение, что *такая философия* – это не просто безобидное словоблудие, а «карающий меч» партии, подобно КГБ, с помощью которого можно как уничтожить науку (как это и сделали с генетикой и кибернетикой), так и оправдать ее возрождение. И СОВЕРШЕННО НЕВАЖНО, КАКОВЫ ФАКТЫ! Хотя в реферативной работе и не было оригинальных мыслей, она была весьма полезной для моего образования и мировоззрения.

Неожиданно для меня эта работа последовательно победила на трех конкурсах студенческих работ подряд: институтском, краевом и всероссийском. Деканат института командировал меня в Москву получать заслуженный диплом. Я впервые побывал в столице, впечатлился ее размерами и безразличным отношением к людям везде: в гостиницах, столовых, магазинах и т. д. Гостиницу, естественно, никто мне не забронировал. Прилетев вечером, я приехал в одну из них («Украина»), но без брони меня и слушать не стали. Я взял такси и поехал в другую, потом в следующую – везде одна и та же вывеска: «Мест нет». Наконец в гостинице «Юность» нашлась койка в каморке под лестницей, где уже спали двое мужчин. Повезло.

Всесоюзная конференция победителей конкурсов студенческих работ состоялась в большом зале Московского государственного университета. Присутствовало более 500 студентов, академиков и профессоров. Сообщения делали дети московской элиты, которые крутились возле своих родителей-академиков. Интересного было мало. Вручали дипломы за лучшие работы. Получил и я свой диплом, впервые почувствовав, что это не моя «компания». Так впервые, но не в последний раз я оказался в чуждой «среде обитания». *Понимание своей чуждости советскому обществу и нежелание в нем находиться с годами сделалось перманентным.*

В том же 1968 году планировалось проведение Первой всесоюзной студенческой конференции по медицинской генетике в Москве. Оргкомитет принял тезисы доклада от нашей генетической группы и прислал приглашение сделать устное сообщение. Работа содержала семейные данные по умственной отсталости (олигофрении) у детей и была ранее доложена на XXIII научной студенческой конференции нашего института:

«К вопросу об этиологии олигофрении (кафедра общей биологии)» – студ. IV курса М. Рицнер, Л. Свечкова, студ. III курса Е. Базилевская, О. Константинова, Н. Костина, Т. Мечетнер, студ. II курса Н. Ковалева, Е. Гладенко, Е. Малаханова, Б. Толчинский, Ю. Кочкин, В. Атласов, Т. Старостина.

Родословные больных собирались участниками генетического кружка, в том числе и Олей Константиновой, дочерью проректора по научной работе профессора Анатолия Алексеевича Константинова. Я передал в научную часть приглашение оргкомитета с просьбой о командировке, что стало «горячей» новостью в институте. Это был едва ли не первый случай, когда студента повторно приглашали на конференцию в Москву. Через несколько дней меня

⁴¹ Дубинин Н. П. И. В. Мичурин и современная генетика // Вопросы философии. 1966. №6. С. 59—70. Фролов И. Т. Генетика и диалектика. М., 1968.

вызвал проректор по научной работе. На его столе лежало письмо от оргкомитета конференции с моей фамилией.

– Проходи, Миша, – сказал приветливо Анатолий Алексеевич, предложив мне сесть. – Поздравляю тебя с хорошей работой, ты гордость нашего института, привез из Москвы почетный диплом победителя конкурса, и вот теперь доклад принят на всесоюзную конференцию по медицинской генетике.

Профессор Константинов был крупным мужчиной с лысой головой, гипомимичным лицом и маловыразительными глазами. Его лекции были самыми скучными, голос монотонный, с выраженным «снотворным эффектом». Вместе с тем Анатолий Алексеевич был заслуженным человеком, прошел войну, имел награды. Каким он был ученым и в чем состояли его научные заслуги, я не знал.

– Скажи, ты не против, если сообщение на генетической конференции сделает Оля Константинова?

– Анатолий Алексеевич, – начал я в недоумении, – Оля – студентка только третьего курса, она просто не сможет написать и сделать этот доклад, ответить на вопросы.

– Ничего страшного, – парировал проректор, – дай ей свой текст сообщения и подготовь ее как следует.

Ничего страшного в этом действительно не было, кроме одного: папа-начальник проталкивает свою дочь в науку. В СССР это было в порядке вещей, а я столкнулся с этим впервые и был не готов принять такую протекцию.

– Я этого сделать не могу. Кто докладывает, тот и должен быть способен подготовить сообщение. Лучше пошлите Любу Свечкову. Она сможет написать и достойно представить работу. Оля не справится с этим, ей слишком рано представлять такую работу на конференции, – продолжал я настаивать на своем, встав со стула и посматривая на дверь. Меня впервые понесло...

– Ты не горячись. Подумай хорошенько, а то как бы тебе не пожалеть об этом, – четко и угрожающе произнес мне уже в спину руководитель науки института.

Я остро, может быть даже преувеличенно, воспринял требование проректора по науке. Через несколько дней состоялась еще одна похожая беседа. Чем сильнее он на меня давил, тем упорнее я стоял на своем и тем меньше была вероятность получить от меня желаемый результат («правило пружины»). Уступить наглому принуждению проректора в пользу его дочери я не мог. Это было сильнее меня. Собрав всех участников нашей работы, я рассказал о требовании проректора по науке. Все поддержали меня, даже Оля Константинова с удивлением заметила, что ей ничего об этом не известно. Заплакав, она покинула это заседание кружка. С тех пор в работе генетического кружка Оля участия не принимала. Как и следовало ожидать, на конференцию в Москву никто не поехал, хотя тезисы были опубликованы. У меня же появился недоброжелатель с административными возможностями, которыми он не преминул воспользоваться.

Конфликт с А. А. Константиновым и мой идеологически ошибочный доклад о преступности при коммунизме имели печальные последствия. И их не пришлось долго ждать.

– Через месяц меня освободили от обязанностей председателя совета научного студенческого общества института.

– Следом меня переизбрали с должности секретаря комитета ВЛКСМ факультета. От этого я хотел избавиться, но, когда двумя месяцами раньше я просил об этом, никто меня и слушать не хотел.

– Более того, мои научные работы больше не принимались на институтские конференции. Я стал посылать их на другие форумы и в научные журналы Москвы, где они и печатались. На одной из институтских конференций, где я впервые был просто слушателем, профессор А. В. Маслов заявил: *«Научный уровень наших конференций в последний год стал много*

выше, чем в столице, где охотно публикуют в журналах статьи Миши Рицнера, отвергнутые научной частью нашего института!» Было обидно, но это было еще не все!

– Окончив третий курс с отличием, я рассчитывал получить ленинскую стипендию. Мне нужна была повышенная стипендия (90 руб. вместо 30 руб. в месяц), так как я незадолго до этого женился. Хотя я проходил по всем строгим критериям, ленинскую стипендию мне не дали. Когда решение ректората сообщили на заседании преподавателей института, проф. А. В. Маслов, проф. В. Д. Линденбрaten, проф. Н. К. Фруентов и некоторые другие возмутились, почему я не прошел. Ответ был предельно прост: «НЕ ХВАТИЛО СТИПЕНДИЙ». В предыдущие годы все подходящие кандидаты получали эту стипендию. Излишне говорить, что дискриминационное решение обидело 20-летнего и амбициозного молодого человека, каким я был в то время. Однако Судьбе было угодно, чтобы это произошло, иначе не случилось бы то, что случилось.

Лаборант-исследователь

После заседания комиссии института по стипендиям заведующая ЦНИЛ к. м. н. *Наталья Григорьевна Концевая* зашла к профессору А. В. Маслову на кафедру биологии и сказала ему буквально следующее:

– Александр Васильевич, пришлите ко мне этого мальчика.

А. В., передавая мне историю с ленинской стипендией «в лицах», был очень возмущен. Он посоветовал мне зайти к заведующей ЦНИЛ.

ЦНИЛ была создана в октябре 1966 года, когда был открыт биохимический отдел во главе со старшим научным сотрудником Натальей Григорьевной Концевой. Первоначальный состав: старший научный сотрудник Н. Г. Концевая, младший научный сотрудник Н. Б. Мурзина, старший лаборант Р. В. Осипова и препаратор В. И. Иванова. Лаборатория размещалась в двух комнатах на территории кафедры патофизиологии и в двух подсобных помещениях (материальная и виварий). К концу 1967 года в ЦНИЛ пришли м. н. с. С. С. Тимошин и инженер Е. Ф. Трубкина. Доцент Концевая руководила лабораторией с 1966 по 1970 год.

Встреча с Натальей Григорьевной Концевой состоялась через пару недель. Она приехала из Ленинграда около года тому назад, открыла ЦНИЛ и была «новенькой» в нашем институте. Наталья Григорьевна сидела у стола и рассматривала большую таблицу с результатами экспериментов, когда я, постучав, вошел в ее кабинет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.